

ЛЕА СТЕНБЕРГ

РЕННВИНД

СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Оно бьется для тебя.

Леа Стенберг

Тайны Реннвинда. Сердце тьмы

Серия «REGNVIND», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Когда кажется, что все секреты раскрыты, все четче понимание: доверять нельзя никому.

Друзья еще не оправились от трагических событий прошлой части, а судьба уже наносит им новые удары: Ингрид выжила и нашла способ победить Хельвинов, Микке обрел невероятные способности и возвращается, чтобы уничтожить соперника и подчинить себе волю возлюбленной, а дар Сары обещает Нее и Бьорну скорую гибель.

Новые обстоятельства поставят героев перед прежним выбором: любовь или жизнь? А древнее пророчество заставит лицом к лицу встретиться с врагом, который способен принести смерть всему живому. Великая битва на пороге. Необходимо найти способ, чтобы защитить Реннвинд, и Нея должна собрать все силы, чтобы спасти своих близких. Даже если ей самой придется ради этого подчиниться проклятию и ступить в самое сердце тьмы.

Финал трилогии «Реннвинд» – возвращение в туманный скандинавский городок, полный загадок и тайн.

Содержание

Часть 1	4
Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	61
Глава 7	74
Глава 8	82
Глава 9	89
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Леа Стенберг Тайны Реннвинда. Сердце тьмы

Часть 1 Истоки

«Тебя убьет любовь»

Пролог

Я выслеживал Адельгейд без малого два года.

После смерти брата она стала осторожнее, покинула долину Рейна и двинулась через море. Тут и там по мере ее продвижения на север фиксировали вспышки мора и черной чумы, и, собирая по крупицам рассказы очевидцев, я упрямо шел по ее следу.

Где бы мне ни доводилось побывать: в городах или маленьких поселениях, всюду люди были охвачены паникой. Они рассказывали о десятках погибших и сошедших с ума людей. По их словам, жители вдруг обращались в одержимых жаждой крови монстров и без разбору набрасывались на се-

бе подобных. Даже на своих родных или соседей. И это безумие распространялось быстро, точно зараза.

Ничто не могло остановить одержимых, кроме смерти. Да и та не всегда могла. Требовалось отрубить одержимым голову и похоронить соответствующим образом, иначе упыри поднимались из земли и продолжали свои зверства.

Долг перед Господом обязывал меня помогать несчастным, что столкнулись с черной чумой. Я не мог двинуться дальше, пока не избавил город или деревню от нашествия кровососов. Выслеживал тварей, убивал и предавал земле. А затем успокаивал людей и объяснял, как жить дальше – мне хотелось вселить в них хоть каплю надежды. И только после, прочтя молитву, я пускался дальше в путь.

Адельгейд не задерживалась нигде дольше, чем на неделю. Что-то заставляло ее двигаться все дальше и дальше на север. Как подсказали местные, она направлялась к Источнику – месту, где она могла в очередной раз поправить свои силы. После нашей последней схватки, когда древняя чуть не лишилась головы, ее могущество больше не было безграничным, и даже кровь смертных не помогала восстановиться до конца.

Мы были связаны кровью, и порой я слышал, как бьется ее сердце. В отличие от упырей, в которых она обращала несчастных, пожелавших стать ее слугами, оно у нее все еще билось. И Адельгейд знала, что я не прощу. Как знала и про участь, что ожидает ее в момент нашей следующей

встречи. И потому спешила.

Во Флодберге я почувствовал, что почти нагнал ее. На городской площади творилась суматоха: обращенную приковали цепями к телеге, вокруг нее собралась возбужденная толпа. Девчушке было лет десять-двенадцать от силы, она скалилась и стучала зубами, угрожая тем, кто рисковал подойти ближе. Ее кожа была бледна и имела сероватый оттенок, а глаза блестели, и оттого взгляд казался безумным.

Такой юный упырь вряд ли был чем-то полезен Адельгейд, поэтому я решил, что она просто решила позабавиться с бедным дитя.

– Разойдитесь! – Приказал я местным. – Ей уже ничем не помочь.

Толпа, нехотя, отступила. Виной тому оружие в моих руках: такое не носили солдаты, да и выглядел я совсем по-другому – одет не как воин, скорее, как уставший, грязный путник. Они перешептывались, не отрывая взглядов от моего арбалета.

– Мы слышали о тебе, странник, – почтительно склонила голову одна из женщин. – Ты тот самый, кто расправляется с тварями?

– Возможно. – Отозвался я, склоняясь над бедным дитя.

– Как тебя зовут? – Не отставала она.

– Не важно.

Девочка вдруг подобралась и резко метнулась ко мне – на-

столько быстро, насколько позволяла длина цепи, которой она была прикована к телеге. Зарычала, яростно заклацала зубами. А затем также внезапно опустилась на колени и... рассмеялась.

Толпа захохала.

– Спаси ее! – Бросилась мне в ноги одна из женщин, отделившаяся от толпы. Сложила в молитвенном жесте ладони и воздела взгляд к моему лицу. – Умоляю, спаси мою дочь!

Обращенная захохотала еще громче.

– Скажи ей. Скажи! – Противно заскрипела она, скаля зубы.

– Обратной дороги нет. – Качнув головой, я с сожалением сообщил матери. – Молись за нее.

– Нет! – Воскликнула женщина, бросаясь к дочери. – Не дам!

Но люди из толпы не дали ей приблизиться к упырю, удержали за руки. Не обращая внимания на ее рыдания, я взвел арбалет, поднял его и затем прицелился девочке в лоб.

– Тебе не справиться со мной, Брэм! – Чужим голосом, усмехнувшись, вдруг произнесла она. – Не справиться-я!

– Помилуй нас, Господи. – Выдохнул я, выпуская стрелу.

Глава 1

Пышные похороны не для дхампири. Обычно их хоронят тайно.

Все, что происходит сегодня – просто фарс. Представление для местных жителей: для тех, кто пожелает прийти проститься с преподобным. Аккуратная яма в земле, опущенный внутрь блестящий гроб, цветы, речь приглашенного священника – все ненастоящее. Кроме скорби, написанной на лицах тех, кто собрался вокруг.

Асмунда действительно любили, и у него был замечательный приход. Каждый, кто пришел, высказывается о нем тепло и искренне. Но ни у кого не получается до конца поверить в произошедшее. Когда комья земли падают на гроб, я зажмуриваю глаза и до боли стискиваю зубы. «Это так несправедливо».

– Нея, – Бьорн подхватывает меня под локоть.

– Все в порядке. – Отзываюсь я, бросая на него взгляд. – Просто закружилась голова.

– Скоро все кончится, – шепчет он, прижимая меня к себе.

– Да. – Всхлипываю я.

Люди по очереди кладут цветы на могилу. Я втягиваю носом запах влаги и прелой земли. Чувствую, как меня начинает знобить, по спине бегут мурашки. Поднимаю голову и на-талкиваюсь взглядом на Асвальда. Его глаза не выражают

эмоций, в них лишь холод.

Сглотнув, я отворачиваюсь.

Им с Бьорном, наверное, в разы хуже, чем мне. Асмунд был неотъемлемой частью их жизни, их семьи. Они испытали глубочайший шок от его гибели. И мне тут же становится стыдно за свои переживания: это я сейчас должна поддерживать Бьорна, а не он меня.

– Погода сошла с ума. – Вздыхает Анна.

Я соглашаюсь коротким кивком и снова вглядываюсь в лица тех, кто собрался на церковном кладбище. Прихожане и жители разных возрастов и профессий. Жаль Сары нет, ей пришлось остаться с Ульриком, он еще очень слаб, и, честно говоря, в данный момент мне трудно строить теории о его дальнейшей судьбе. Все мы потеряли уже достаточно близких и просто хотим, чтобы он остался жив. Хотя, еще неизвестно, какую опасность для людей он будет нести в новом обличье, и это то, что беспокоит сейчас Асвальда не меньше, чем зализывающая раны хульдра, которой в очередной раз удалось скрыться в лесах Реннвинда.

– Нам всем нужно хорошенько выспаться. – Вздыхает цыганка. – Особенно тебе, Нея. – Она поворачивается к Бьорну. – Позаботься о том, чтобы она выпила лекарство перед сном.

Он кивает.

Мы все знаем, что она имеет в виду. Теперь без крови Кайи, которая стала для меня спасением, о нормальной жиз-

ни можно забыть. Нет, я не сетую на обстоятельства. Это определенно выход, и я благодарна, что он у меня теперь есть.

– Покойся с миром. – Причитает одна из прихожанок у липовой могилы Асмунда.

Дождевые капли стучат по куполам черных зонтов собравшихся, густой туман стелется возле самой земли. Я делаю глубокий вдох, и перед глазами опять встают картинки ночных похорон. Его настоящая могила за церковью, под раскидистым дубом. Голова отдельно – лежит в ногах, лицом вниз. Глаза выколоты. Ноги связаны, сердце вырезано и сожжено. На груди ножницы – чтобы уж точно не мог подняться из-под земли.

Снаружи в землю вбит кол – еще один уровень защиты.

Мне позволили проститься с Асмундом до того, как его брат все это проделал с его телом. Медлить было нельзя, таковы заветы предков: дхампири следует похоронить в день смерти, чтобы он не обернулся нежитью и не возвратился в мир живых.

Естественно, мы не могли тянуть с погребением и провели ритуал в ту же ночь. То, как отличались настоящие похороны от фальшивых, потрясло, но речи тех, кто пришел проститься с Асмундом, не делали вторые менее значимыми. Уверена, мой отец слышал с того света все их добрые слова о нем.

– Идем. – Берет меня под локоть Бьорн.

Я в последний раз бросаю взгляд на могилу, внутри которой покоится гроб, набитый дровами, и опускаю цветы на землю.

– Мы можем еще раз сходить туда? – Спрашиваю я, вы-
прямяясь.

– Когда все разойдутся. – Кивает Бьорн.

И снова я ловлю на себе ледяной взгляд Асвальда. Прихожане приносят ему соболезнования в связи с утратой, и всех волнует, конечно же, безопасность жителей Реннвинда. Заверив их, что опасное животное, унесшее жизни школьниц и пастора непременно отловят, он удаляется к церкви, дверь в которую теперь заперта.

Официально – это не место преступления. О том, что Асмунд погиб внутри знает всего пара доверенных сотрудников полиции, для остальных – пастор погиб в лесу от лап и зубов дикого зверя.

– Твой отец теперь ненавидит меня еще больше. – Говорю я, когда мы с Бьорном заходим за угол церкви.

– Из-за того, что ты вернула к жизни Ульрика? – Он помогает мне перешагнуть через раскисшую от дождя землю, поддерживая за руку.

– Из-за того, что обратила его.

Бьорн останавливается и поворачивается ко мне. На его бледном лице загорается вымученная улыбка.

– Что ты такое говоришь. – Он перехватывает зонт в дру-

гую руку и наклоняется к моему лицу. – Было бы лучше позволить Ульрику умереть? Я бы этого не пережил. Его родители, тем более. – Пальцы Бьорна гладят мою щеку. – И моему отцу пришлось бы нелегко, Нея. Как бы он объяснил эти смерти людям? Оторванная голова и рваные раны у Асмунда, колотые у Ульрика: в церкви явно произошло что-то страшное, и не только родители Улле, но и другие жители захотели бы знать, что именно.

– А так, Асвальд сказал родителям Ульрика, что тот играл со старинным клинком и случайно поранился? – Горько усмехаюсь я.

– Очень, кстати, похоже на Улле. – Замечает Бьорн, возвращая мне усмешку. – Но, если честно, не знаю. Пока он в больнице под наблюдением семейного врача Хельвинов. Доктор поколдовал над ранами, имею в виду – медицинские манипуляции, и после операции Ульрик стабилен, но все еще не приходил в сознание. Мой отец вроде наплел его родителям, что он пострадал от нападения хулиганов.

– А как же Арвид? Это ведь его рук дело. Нужно объявить его в розыск! Найти и судить!

– Отец планирует расправиться с ним самостоятельно. – Качает головой Бьорн. – И, полагаю, Ульрик, когда очнется и еще раз осмыслит произошедшее, будет с ним солидарен. Этот упырь держал моего дядю в тот момент, когда его убивала хульдра, а потом хладнокровно вонзил нож в грудь моего лучшего друга – да я тоже буду в первых рядах тех, кто

понесет ему возмездие!

Глаза Бьорна наливаются блеском, и мне приходится перехватить его ладонь, чтобы успокоить.

– Теперь Арвид не упырь, а просто человек. – Напоминаю я.

– Который мог уехать из Реннвинда, оставив прошлое позади, но предпочел прибежать к Ингрид, чтобы заручиться ее поддержкой и стать верным подданным в грядущей войне. – Отвечает он жестко.

– Я не оправдываю Арвида, но он ведь просидел полгода в подвале у Асмунда: есть от чего разозлиться и поехать крышей. Полгода, Бьорн!

– Seriously? – Он вырывает руку.

Его дыхание учащается, глаза наливаются темнотой.

– Послушай. – Я делаю к нему шаг и окунаюсь в тепло его тела. – Не злись, мы просто не поняли друг друга. Я хотела сказать, что у Арвида был повод злиться на Хельвинов, но он избрал неправильный путь. Возможно, рассчитывал, что с помощью Ингрид сможет обратиться заново. Микке сказал...

– О. Так это все из-за него? – Напряженно впивается в мое лицо взглядом Бьорн. – Из-за этого саама? Решила пожалеть убийцу из-за того, что мило поболтала с его сыном? И когда вы успели? В тот момент, пока Арвид убивал моего лучшего друга?

Я опускаю голову и выдыхаю. Дождь продолжает стучать

по ткани зонта. Слова ничтожны перед тем, что я чувствую – это так больно: потерять прежнюю жизнь, вновь обретенного отца, пережить предательство и чуть не лишиться друга.

– Прости. – Вдруг тихо говорит Бьорн. – Прости, Нея. У меня голова кипит от эмоций...

– Нам всем нужно прийти в себя. – Вздыхаю я, поднимая на него взгляд. – Мы пережили ужасное, и сутки провели на ногах в попытке скрыть следы и последствия. У меня тоже голова идет кругом.

– Ты отдала много сил, а я на тебя накинуся. – С сожалением произносит он. – Эти проблемы с самоконтролем...

– Мы не мило болтали. – Поясняю я напряженно. – Эти трое знали про книгу и пришли специально за ней. Асмунд встал у них на пути и отдал жизнь за то, чтобы реликвия рода не попала в чужие руки. Микке не хотел уходить без нее, и... и он собирается обрести бессмертие. Так он сказал.

– Хочет стать кровососом? – Глаза Бьорна вспыхивают.

– Хочет заполучить силу и власть, чтобы отомстить. – Объясняю я и закусываю губу.

Его руки сжимаются в кулаки.

– Он знает, что ему придется умереть для этого? Только так Ингрид сможет поднять его из земли вампиром. Знает, что он будет лишь стригоем – упырем с ничтожными остатками разума, полностью подчиненным своей хозяйке? Да и то в случае, если ему передались способности магов его рода! Если же нет – его ждет глупая, напрасная смерть.

– Я видела его глаза, когда он говорил это. – Признаюсь я. – Микке не остановится ни перед чем. В той книге ключ к воскрешению ламии. Думаю, он и его отец надеются на то, что она обратит их.

– Тогда им придется присягнуть тьме, а эта участь не лучше участи бесправного прислужника. Вампирша сможет пробираться в их головы, когда ей заблагорассудится, и манипулировать их сознанием по своему усмотрению.

– Книга не должна попасть им в руки.

– И я не допущу этого. – Решительно говорит Бьорн.

Кивнув, я прижимаюсь щекой к его груди. Обнимаю его крепко и позволяю себе всхлипнуть в его объятиях. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не разрыдаться.

– Мне нравится. – Слышится сквозь шум дождя голос Бьорна. – Нравятся эти штуки в твоих волосах. Серые пряди. – Его рука гладит меня по спине, забирая боль, успокаивая. – Но больше не надо никого оживлять, ладно? Я не хочу потерять тебя раньше, чем состарюсь и умру сам.

Отрываюсь от него и поднимаю взгляд к его лицу.

– Мне так страшно за Улле. – Шепотом признаюсь я.

– С ним все будет хорошо. – Обещает Бьорн, целуя меня в лоб. – Уверен, этот парень еще будет хвастаться своим шрамом в раздевалке. И расскажет с десятков бак о том, как всыпал перца напавшим на него негодьям.

– А если он не сможет контролировать себя? Обратится на людях? Или в один прекрасный день почувствует тягу

убивать, завоюет на луну и перекусит парочкой местных жителей? Тогда твой отец застрелит его без сожаления?

– Он не такой. Мой отец. Заверяю тебя, он не бесчувственный. Конечно же, он будет сожалеть. – Говорит Бьорн абсолютно серьезно.

– Во дурак. – Пихаю я его и тут же притягиваю еще ближе к себе.

– Уверен, мы справимся, каковы бы ни были последствия обращения.

– Ульрик был человеком. – Напоминаю я.

– Научим его охотиться на зайцев или белок. – Хмыкает Бьорн.

– Ты неисправим.

Мы застываем посреди кладбища, не в силах разомкнуть объятий. И я держусь за него, как за единственное реальное, что осталось в моей жизни. И все произошедшее вчера кажется сном, но стоит закрыть глаза, как я начинаю задыхаться потому, что вижу перед собой безжизненный взгляд Асмунда на отделенной от тела голове.

А через пять минут мы уже останавливаемся у могилы моего отца. Свежая земля блестит, напитываясь дождевой водой. Влага пузырится, заполняя собой все неровности и превращая поверхность могилы в мягкую кашу. Глядя на нее, я вижу Асмунда, лежащего под толщей влажной земли и снова прокручиваю в мыслях картинку о том, как Асвальд уклады-

вал его в гроб: он не проронил ни слезинки, не сказал ни слова.

– А здесь покоится Мария-Луиза. – Подводит меня Бьорн к другой могиле. – Сестра моего отца и дяди Асмунда.

– У них была сестра? – Удивляюсь я.

– Она не дожила до совершеннолетия. Была слаба, и последние годы уже не могла передвигаться самостоятельно. Знаешь, мне сейчас кажется, она умела забирать боль. Потому, что помню, как я был совсем маленьким и упал однажды с велосипеда и сильно ушиб ногу – так боль прошла сразу после прикосновения Марии-Луизы. Уже после ее смерти я долго размышлял над этим и даже винил себя, что, может быть, отнял ее последние силы.

– А это кто? – Наклоняюсь я к следующей могиле и читаю. – Анника Хельвин.

– Это мать Асмунда. Твоя бабушка.

– Моя бабушка... – Я касаюсь холодной плиты пальцами.

– А чуть дальше моя бабушка. Мать моего отца. – Задумавшись, Бьорн идет по направлению к могиле, оставив меня без зонта. – Ты же понимаешь, наши отцы не были полнородными братьями. Это... невозможно у дхампири, каждый раз кто-то должен отдавать свою жизнь.

– Лилли Хельвин. – Читаю я. Мне приходится его догнать, чтобы встать рядом под зонт. Влага с волос и лба катится прямо в глаза, приходится смахивать ее ладонью. – А там?

– Могила матери Катарины. – Шепчет Бьорн. – Рядом –

могила моей матери. Она была сестрой отца Ульрика.

– Столько жертв... – Тихо говорю я.

– А тут дальше покоятся мой дед, и его отец и мать. – Он указывает рукой. – Отсюда и до самой ограды сплошь могилы наших предков. От первого, который захоронен ближе к церковным стенам, до последних, что жили в последние столетия и наши дни.

Я не успеваю разглядывать их. На старых могилах уже почти не читаются имена: таблички потемнели, обросли плесенью или мхом, буквы выцвели. А Бьорн идет все дальше и дальше.

– Столько женщин, отдавших жизни ради рождения своих детей, – замечаю я, пока мы двигаемся по дорожке вдоль стройных рядов могил. – Это ужасно...

По коже пробегает озноб от мысли о том, что здесь, среди них, должна была покоиться и Карин – моя мать.

– Я ненавижу себя и свой род за это. – Голос подводит Бьорна, он сипнет. – Люди, конечно, не могут не замечать этих странностей. Сейчас, когда город развивается, и население Реннвинда заметно выросло, это так не бросается в глаза, но, по словам отца, пару веков назад об одном из наших предков ходили слухи о том, что он – Синяя Борода. Такое очень пугает людей. Наверняка, не только Асмунд, но и другие дхампири не раз задумывались о том, чтобы оборвать род, покончив со смертями невинных.

– Но без дхампири у этих земель не будет защиты, ты ведь

знаешь. Чтобы решиться на продолжение рода необходимо не только хладнокровие, но и мужество.

– Осознать, что ты убьешь того, кто подарит тебе дитя, не так-то просто. Это все еще убийство. И на него ты должен пойти сознательно. – Бьорн останавливается и поворачивается ко мне. – Иногда мне кажется, что мой отец отключил все свои чувства ради долга крови. Боюсь, я никогда не смог бы так поступить.

– Ты закончил? – Раздается грозное сквозь шум дождя.

Мы оборачиваемся. Это Асвальд стоит возле церкви.

– Пора ехать. – Хмуро говорит он.

От меня не укрывается тот факт, что даже в такой момент он намеренно игнорирует меня: «Ты закончил?», а не «вы». Мы с Бьорном переглядываемся.

– Да, мы идем. – Отзывается он.

Глава 2

После того, как автомобиль останавливается у дома Вильмы, мы с Анной выходим, ожидая, что Бьорн и его отец поедут дальше – к себе, но они, на удивление, покидают салон и следуют за нами. Я решаю не задавать вопросов: слишком устала.

Анна по-хозяйски поворачивает ключ в замке и открывает дверь. Асвальд пропускает нас с Бьорном вперед. Мы входим, и я замечаю, как Бьорн прислушивается и принимаются к тишине дома, и это правильно, ведь опасность теперь может подстергать нас на каждом шагу. Жаль, что моя усталость лишает меня осторожности.

– Позволь. – Бьорн помогает мне снять плащ и встряхивает его.

Вода падает с ткани и лужицами растекается по полу. Скинув обувь, я прохожу в кухню. Вскоре там собираются и все остальные.

– Бьорн! – Едва присев на небольшой диванчик, я подрываюсь и вскакиваю обратно, заметив красное пятно, расплывающееся на его рубашке. – У тебя кровь!

Все устремляют взгляды на Бьорна, и он растерянно опускает глаза на свою грудь, пытаюсь отыскать там то, что не на шутку встревожило меня.

– Твое плечо. – Показываю я, приблизившись. – Сядь, пожалуйста.

Его отец придвигает ему стул, и Бьорн опускается на него.

– Нужно снять рубашку. – Говорю я. – Крови довольно много.

Пока я помогаю ему расстегнуть ее, Анна находит аптечку, хватает ее с полки и приближается к нам.

– Что там?

– Рана. – Спустив рубашку вниз, произношу я. – Вроде не глубокая, но Бьорн ее, видимо, не заметил, не перевязал, и потому она кровоточит.

– Сначала схватка с хульдрой, затем похороны Асмунда ночью. – Вдыхает он. – На мне было столько крови, когда я вернулся в дом, что уже непонятно было, где чья. Я просто принял быстренько душ, переделся и поехал обратно на кладбище.

– Нужно обработать. – Осмотрев порез, вздыхаю я.

– Ерунда, царапина. – Коснувшись моего запястья, произносит Бьорн. – Я даже не чувствую.

Он смотрит на меня с таким теплом, что мои щеки моментально краснеют. Боясь, что Асвальд это заметит, я осторожно высвобождаю руку и отвожу взгляд.

– Все равно обработаем и заклеим.

– Нужно зашить. – Легонько сдвинув меня в сторону и склонившись над раной, констатирует Анна. – Она хоть и выглядит небольшой, но может доставить неприятности.

Хульдра постаралась.

– Она отбивалась. – Хмыкает Бьорн. – Даже не пыталась наносить удары: выбрала момент, чтобы вырваться, и из последних сил рванула в лес, чтобы спасти себе жизнь. Если бы я не переживал за вас, то бросился бы за ней и нагнал. Услышав истошные вопли из церкви, я принял решение вернуться.

– Нужно было довести дело до конца. – Безразлично говорит Асвальд, отходя от нас на шаг.

– Я не мог оставить Нею и своих друзей. – С вызовом отвечает ему Бьорн.

– Асвальд, подай-ка мне вон ту коробочку. – Обернувшись, командует цыганка. – Нужно обработать иглу, чтобы я могла подлатать твоего сына.

Кивнув, начальник полиции берет с полки указанную коробку и протягивает ей. Я с трудом сдерживаю смешок: вряд ли, кто-то другой может обратиться к начальнику полиции и старшему рода дхампири словом «*подай-ка*», и это ему сойдет с рук. Но что удивительно – Асвальд даже бровью не ведет.

– Подержи-ка. – Продолжает раздавать ему указания цыганка. – Вот так, а теперь эту. Сюда. – Рассмотрев придирчиво на свет кончик иглы, она наклоняется к плечу Бьорна. – Потерпи, малыш, будет больно.

– Я вам не ма... А-а! – Морщится он, когда игла вонзается в кожу. И, вздохнув, стискивает зубы.

– А что насчет нее? – Спрашивает Асвальд, почесывая подбородок. – Хульдры. Она пострадала?

– Как следует. – Заверяет его Бьорн, позабыв о боли. – Мое обращение в медведя было для нее сюрпризом. Ей повезло, что я еще не освоился в зверином теле, так бы от нее остались только лохмотья из мяса и кожи.

Асвальд выдыхает с рычанием: каждое упоминание о медведе-оборотне напоминает ему, что его сын больше не тот, кем он его знал.

– Она сама зверь, поэтому ей легче сражаться с противником в человеческом обличье. – Добавляет Бьорн. – Сила, ярость и скорость медведя неприятно ее поразили. Если она и оправится от ран, то еще не скоро.

– Готово. – С улыбкой говорит Анна, любуясь швом. – Кто желает кофе?

– Я жалею, что дал ей уйти, отец. – Не обращая на нее внимания, продолжает Бьорн. – Больше этого не повторится. Обещаю. В следующий раз я разорву ведьму на куски.

Асвальд оставляет его слова без ответа. Садится за стол, сцепляет руки в замок и уставляется в одну точку.

– Значит, все будут кофе. – Цокнув языком, говорит Анна и отправляется к плите.

– Нужно что-то сделать с пятном. – Тихо вздыхаю я, разглядывая рубашку.

Игнорируя мои слова, Бьорн рывком возвращает ее на плечи. Напряжение между ним и его отцом возрастает

и уже буквально трещит в воздухе.

– Отец, у меня получится. – Глядя на Асвальда, говорит он. – Все мои способности на месте: сила, выносливость, скорость, я даже по-прежнему вижу духов! Я просто стал сильнее.

Он встает, подходит к столу и садится напротив него. Я остаюсь стоять в паре метров от них, не зная, что мне делать.

– Я все еще воин, папа. – Пытается достучаться Бьорн до отца.

– Но не дхампири. – Темнеет взгляд Асвальда. – Никто до конца не знает, что ты теперь такое. Что она из тебя сделала. – Мечет он молнии в мою сторону.

Я сглатываю. Бьорн злится сильнее. Вот-вот разразится буря, но на помощь приходит Анна.

– Не унижай своего сына, Асвальд, а то получишь по башке. – Уперев ладони в стол, говорит она ему прямо в лицо. – Ты меня знаешь, я на такое способна. Терять мне нечего. Никто другой не скажет тебе в лицо, что ты высокомерная задница, а я могу. – Она дерзко ухмыляется, приподняв одну бровь. Ей нравится, что ее слова приводят начальника полиции в смятение. – Твой род получил свое начало в тот момент, когда мать-природа этого захотела. Что-то должно было регулировать популяцию вампиров, и появились дхампири. Не для того, чтобы ты ощущал себя сейчас пупом земли, а для равновесия. В твоём сыне все еще течет твоя кровь, и пусть половину ее заместило что-то иное, но он все еще

дхампири.

– Анна. – Нетерпимо выпаливает Асвальд.

– А что, если это тоже божий промысел? Что, если высшие силы хотят, чтобы ваш вид развивался, становился сильнее. Вдруг это путь эволюции?

– Тебе карты сказали? – Смеряет он ее ледяным взглядом. – Или ты эту чушь на ходу придумываешь?

Она застывает с открытым ртом. Затем вздыхает и отходит к плите. – Карты не говорят чего-то определенного. Пока. – Анна отворачивается, достает из шкафчика бутылку и стаканы и ставит на стол.

– Что это?

– Сидр. – Отвечает цыганка. – Эта ситуация меня доконает.

Асвальд, молча, придвигает к себе бутылку и открывает легким движением большого пальца. Для этого ему даже не приходится использовать открывашку. Затем он разливает сидр по стаканам.

– За Асмунда. – Анна выпивает напиток залпом, вытирает рот рукавом цветастой рубахи и возвращает стакан. – Еще!

Отец Бьорна выгибает бровь.

– Не смотри на меня так. Моя дочь в больнице со своим парнем, он вчера чуть не умер. И она чуть не умерла, да и мы все постоянно в опасности, и не знаем, что будет завтра. Мне страшно до усрачки! Наливай!

Он наполняет ее стакан.

– Спасибо. – Благодарит Анна. И замирает, дожидаясь, пока Асвальд не возьмет свой стакан. – Давай же, ну.

– За моего брата. – Хрипло говорит он.

– И что мы теперь будем делать? – Спрашивает цыганка, покончив с напитком с грохотом обрушив стакан на стол. – У тебя есть план?

– Мы будем начеку. – Осушив свой стакан, отвечает Асвальд.

– Гениальный план.

– Что?

– Она соберет армию и притащит сюда. С помощью ламии или без, не важно, Ингрид все равно сделает это. Эта тварь одержима мстью. – Анна тяжело вздыхает и наклоняется на стол. – Ты же понимаешь, что это не моя война? Я могу собрать вещички: наберется не больше пары сумок, и свалить подальше, но, если останусь, я хочу знать, как ты планируешь справиться с ней.

– Ты можешь ехать, я тебя не держу. – Отвечает Асвальд. На его лице ни тени эмоций. – В одном ты права: это не твоя война.

– Вот оно! – Ударяет ладонями по столу Анна и выдает пару фраз на цыганском: надо признать, звучат они точно крепкие ругательства. – Высокомерие, которое не дает тебе включить мозги и просто подумать!

– Ты меня подловила. – Говорит он саркастично. – Все, сдаюсь и включаю мозги.

Бьорн покашливает и отодвигается от стола.

– Засунь свои детские обидки подальше, дхампири! – Рвякает на Асвальда цыганка. – Мы говорим о серьезных вещах и, быть может, о выживании человечества! Если Ингрид поднимет древнюю, погибнут сотни людей, а затем тысячи! Мир утонет в крови!

– Она ее не поднимет. – Уверенно отвечает Асвальд и складывает руки в замок.

– Если твои предки похоронили ее, как следует. – Хмыкает Анна. – Лучше бы они вовсе сожгли ее дотла.

– Им не найти ее кости.

– Уверен?

– Только я знаю место. – Ни один мускул не дергается на его мужественном лице. – И книга. Но она не откроет секрета посторонним.

– И все же, Ингрид нужен один из вас, чтобы повернуть это дельце. Значит, она собирается использовать кровь дхампири для пробуждения древней.

– У нее ничего не выйдет. – Качнув головой, замечает Асвальд. – Даже если случится так, что она найдет останки древней, ей не удастся вернуть ей бессмертие и могущество, а без них ламия – просто кровосос.

– Значит, вероятность есть?

– Книга под защитой. – Уголки его губ напряженно подергиваются.

– А вы все?

– Примем меры предосторожности.

– У тебя, хотя бы, есть союзники, Асвальд? – Придвигаясь к столу, спрашивает Анна. – Если Ингрид притащит армию темных, кто встанет на вашу сторону? Кто будет защищать Реннвинд плечом к плечу с тобой? – Она позволяет себе усмехнуться ему в лицо. – Вы только и делали, что изгоняли отсюда одаренных. Столетиями! Не удивляйся теперь, что саамы или даже цыгане захотят встать на сторону того, кто будет сильнее в это битве.

– Что ты предлагаешь? – После недолгой паузы спрашивает он.

– Сколько человек она сможет поднять из земли? – Хмурит лоб цыганка. – Нужно провести ритуал на кладбище и понять, кто имел магические силы и был захоронен не по правилам. Это будет очень тяжело. Для меня. Но так мы сможем контролировать эти могилы и предпринять меры, чтобы не допустить подобного.

– Это хорошая идея. – Нехотя, соглашается Асвальд.

– Можно патрулировать лес. – Вмешивает Бьорн в их разговор. – Будет здорово, если удастся взять след Арвида или Ингрид. Сейчас хульдра, вероятно, слаба, но позже обязательно вернется.

– Или пришлет кого-нибудь. – Говорю я.

Бьорн согласно кивает, а Асвальд даже не поворачивается в мою сторону. У них с Анной продолжается дуэль взглядов. Все уже забыли про то, что собирались пить кофе.

– Нанести удар первыми это хорошо. – Выдыхает цыганка. – Но Ингрид поставит защиту, и найти ее будет очень сложно. Точно так она заблокировала сознание Неи, чтобы та не расправилась с ней во сне. С черной магией я связываться не стану, но вот защитить этот дом и ваш, пожалуй, попробую. Для этого мне понадобится помощь Сары, а также кого-нибудь из наших. Ты не будешь против, если сюда придут каале?

– Пусть приезжают. – Выдыхает Асвальд, сдаваясь. – Только никаких краж и дебоша.

– Великодушно. – Кивает она с усмешкой. – Так кто еще на твоей стороне, Асвальд? Если ты хочешь биться, тебе стоит собрать верных людей.

– Инспектор Бек – последний из оставшихся драконов в этих краях. Без видимых трансформаций, но весьма опасен – извергает огонь. Мы заключили соглашение о том, что он не будет использовать эти способности, разве только при необходимости – таковая еще, кстати, не наступала. Взамен на позволение остаться в Реннвинде, Бек принял на себя обязанности служить под моим руководством и помогать защищать границы округа.

– Бек – дракон? – Уставляется на него Бьорн.

– Драконы существуют?! – Изумленно спрашиваю я.

– Ты ведь говорил, что у него «некоторые» таланты. – Хмурится Бьорн. – Теперь я начинаю сомневаться в значении слова «некоторые». – Он усмехается. – То-то от него та-

кие странные вибрации идут. Дракон... С ума сойти!

– Есть еще Ларс. – Добавляет Асвальд. – Тот, что трудится на ферме у Нильссона.

– Юродивый Ларс? – Уточняет Бьорн.

– Он не юродивый. Нормальный парень, просто не слишком смысленый. – Поправляет его отец. – Ларс – великан. Мать подкинула его в Реннвинд сразу после его рождения. К тому моменту мы думали, что этот вид исчез еще триста лет назад: по крайней мере, к нам великаны не забредали со времен эпидемии черной чумы начала восемнадцатого века. Мальчика еще в младенчестве отдали в приемную семью, которая воспитала его как своего. Все это время мы с Беком опекали его. Как только начались произвольные обращения, провели с ним беседу. И не одну, по правде говоря. С тех пор он у нас на контроле. Добрый малый, безобидный.

– И чем нам будет полезен великан?

– Даже не знаю. – Прочищает горло Асвальд. – В своем истинном обличье он еще менее сообразителен, чем в человеческом. И гораздо более неуклюж. А, проще говоря, опасен: то бордюр сшибет, то дверной косяк плечом вырвет или кресло раздавит. Мы договорились, что Ларс не будет перевоплощаться, пока мы не будем находиться в отдалении от города и посторонних глаз – и только по нашему с Беком разрешению.

– Дракон и великан. Хм, уже что-то. – Протягивает Анна задумчиво. – Это вселяет в меня надежду. Но ты подумай,

кого еще можно привлечь, мы должны быть готовы.

– Я подумаю. – Кивает Асвальд.

– То есть, по сути, эти двое – тоже оборотни? – Позволяю заметить я.

– Нет. – Коротко отрезает он, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

– Нужно растопить камин. – С этими словами Анна поднимается из-за стола. – В доме холодно, а мы столько часов проторчали на кладбище в этой сырости – необходимо срочно согреться!

– Анна. – Окликает ее Асвальд, когда женщина уже направляется из кухни.

– Да? – Оборачивается она.

Ему явно не по себе. Отец Бьорна предпочел бы поговорить с ней без свидетелей.

– Я помогу тебе развести огонь. – Говорит он, бросаясь следом за ней.

– Хорошо. – Она разворачивается. – Чувствую, ты хочешь поблагодарить, но боишься выглядеть излишне мягким. Уверяю, это можно сделать и при детях. Им будет полезно знать, что ты не каменный. Иногда открывать свои слабости людям полезно.

– Спасибо. – Цедит он сквозь зубы, бросая на нас раздраженный взгляд. И спешит за ней. – Да, я хотел сказать тебе спасибо. За помощь. Ты ведь могла просто уехать и...

– Куда я теперь уеду? Моя дочь влюбилась в этого вашего,

как его там?

– Ульрик. И не делай вид, что не помнишь его имени.

– Всегда мечтала о ручном волке. А что, если он будет обращаться в песца? Или лисицу? А, может, в шакала? Сара сказала, что не поняла толком, его зрочки на миг вспыхнули, а затем он потерял сознание.

– Ты знаешь, что я думаю обо всем этом. И что я должен буду сделать, если он только посмеет причинить кому-то вред.

– Говорят, волки очень преданы.

Их голоса стихают в гостиной, и я подхожу к столу и сажусь напротив Бьорна.

– Мне страшно. – Признаюсь я.

Он наклоняется на стол и берет меня за руку.

– Мне тоже. – Признается Бьорн. – Не боятся только идиоты. А я знаю, за что сражаюсь, поэтому мне проще преодолеть свой страх.

– Что будет дальше?

– Не знаю. – Пожимает он плечами. – Но я всегда буду рядом, чтобы тебя защитить.

Глава 3

Я смотрю на глиняный чайничек Ингрид, стоящий на столешнице. Именно в нем она заваривала чай для Микке. И для меня, разумеется. Не раз. Но, кажется, я никогда больше не смогу пить чай, не вспоминая о том, что она сделала. Что значила в моей жизни, и как перевернула ее с ног на голову. Как предала мое доверие.

– Нея? – Тихо зовет меня Бьорн.

– Ах... да, – я беру две чашки с кофе, несу и ставлю на стол.

– Плохая идея. – Оглядывая меня, заключает он. – Тебе не стоит его пить. Ты совсем без сил: бледная, руки дрожат. Иди сюда.

Бьорн подтягивает меня к себе, и я вздрагиваю. От него не укрывается моя реакция на его прикосновение, он хмурит брови, убирая руки с моей талии.

– Что?

– Там твой отец, – шепчу я.

Из гостиной доносятся приглушенные голоса Асвальда и Анны.

– Ему уже пора узнать. – Понижает голос Бьорн. Он осторожно берет меня за руки, вынуждая посмотреть ему в глаза, но я все еще пялюсь на пар, поднимающийся от горячего кофе. – Мы вместе, и это свершившийся факт. Мы – оборотни,

наши души прокляты, и это тоже не изменить. Ему придется это принять.

– Бьорн. – Я все-таки нахожу в себе силы взглянуть ему в глаза. – Ты все еще чувствуешь это? Холод, идущий от меня.

Сердце бьется у меня под самым горлом в ожидании ответа.

– У тебя ледяные руки. – Подтверждает он, заключая мои ладони в свои. По сравнению с его ладонями, они крошечные. – Тебе просто нужно согреться.

– Я про другое. Ты знаешь, о чем я.

– С тех пор, как стал оборотнем – нет. Теперь я ощущаю это не на физическом уровне, а на ментальном. Или ты переживаешь, что при виде тебя у меня больше не будут бегать по телу мурашки? – Он улыбается, и в его голубых глазах пляшут игривые чертята.

– Это самое меньшее из того, что меня сейчас заботит. – С улыбкой отвечаю я. – Ты открывал ту книгу? Видел, что в ней?

– Несколько раз. – Говорит Бьорн, растирая мои пальцы, чтобы они согрелись. – Впервые Асмунд показал мне ее, когда мне исполнилось шестнадцать. Потом я периодически заглядывал к нему, полистать ее и послушать его рассказы о наших героических предках, делавших записи в эту книгу.

– Там действительно хроники? Описания существ, как с ними бороться?

– И не только. Все наблюдения: как выслеживать, определять, чем защититься от нечисти. Рисунки, описания – что-то вроде классификации, есть даже записи в виде дневников. Опыт, накопившийся за несколько веков.

– А ламия? Что написано про нее?

– Там есть чистые страницы – практически в самом начале. Отец говорит, что они открываются только старшему рода. Другим – при необходимости.

– Хитро.

– Разумно. – Подмигивает мне Бьорн. – Когда я спросил у отца, что написано на этих страницах, и открывались ли они ему когда-нибудь, он сказал, что однажды такое случилось. И то, что он прочел там... лучше бы ему не знать этого вовсе. Похоже, это действительно что-то очень-очень плохое.

– Поэтому он всегда такой злой ходит? – Усмехаюсь я.

– Сто процентов.

Улыбнувшись, Бьорн приподнимается со стула и тянется поцеловать меня, но в следующее мгновение от входной двери раздается какой-то странный шум. Будто кто-то царапает дверь, копошится. Бьорн машинально стискивает мои руки, и через мгновение отпускает.

– Сара, – негромко произносит он.

Щелкает замок, слышится скрип дверных петель. Теперь и я тоже слышу, как она ругается себе под нос. Мы спешим в коридор и застаем ее стоящей на пороге промокшей на-

сквозь. С волос и одежды Сары капает дождевая вода, поэтому я не сразу замечаю, что она плачет.

– Что с Ульриком? – Бросаюсь я к ней.

– С ним все в порядке, еще не приходил в себя. – Шмыгнув носом, сообщает она.

Я помогаю ей снять плащ. Под ним все еще ее вчерашняя одежда, она вся в бурых пятнах крови Ульрика.

– Тогда почему ты плачешь? – Бьорн берет из моих рук плащ и помогает повесить на вешалку.

– А я не плачу. – Всхлипнув, Сара гордо задирает нос. – Просто вы знаете, как тяжело идти под дождем, опираясь на чертову трость?

– Почему ты не попросила нас забрать тебя из больницы? – Я заключаю ее в объятия.

– Мне хотелось прогуляться. – Жалобно пищит она. И увидев вышедших из гостиной мать и Асвальда, Сара тут же расправляет плечи, движением головы отбрасывает прилипшую челку назад и твердым голосом сообщает. – Ульрик еще не очнулся, его родители сейчас с ним.

Похоже, у каале в крови – никому не показывать своих слабостей.

– Понятно. – Асвальд касается плеча Анны. – Тогда мне стоит быть там, когда он очнется. Если они станут свидетелями его трансформации, или он накинется на кого-то из близких, это будет очень плохо. Сейчас отдам указания Беку: в полиции суматоха, половина персонала прочесывает лес,

но им придется справиться сегодня без меня. Пока Ульрик не придет в себя, я буду находиться рядом. Спасибо, Анна.

Я замечаю, как бровь Сары поднимается.

– До завтра. – Прощается цыганка, коротко похлопав его по руке.

Наконец, он отдергивает руку, будто обжегшись, разворачивается и идет к нам.

– Ты. – Говорит мне. Что-то достает из кармана и протягивает. – Катарина передала утром.

Я опускаю взгляд, на его ладони блестит серебряная цепочка. Вместо кулона к ней прикреплена крохотная пробирка с темно-красным содержимым.

– Она уверена, что так ты точно не потеряешь нужную дневную дозу. – Добавляет Асвальд. – Завтра отдашь мне пустую пробирку и получишь новую.

– Спасибо. – Надев на шею цепочку и зажав пробирку в кулаке, тихо благодарю я.

У начальника полиции такой обжигающе-леденящий взгляд, что мне даже не хочется поднимать глаза, чтобы не встретиться с ним.

– Нужно проследить за тем, чтобы она выпила ее. – Приказывает Асвальд.

– Не о чем беспокоиться, отец, Нея так и сделает. Я буду рядом, чтобы...

– А ты сейчас едешь домой. – Перебивает он его, указывая на дверь. – Кто-то должен охранять твою сестру. С ней

двое из числа людей, они будут бесполезны, если кто-то темный решит пробраться в дом. – Асвальд накидывает мокрый плащ и бросает безразличный взгляд на Сару. – Тогда ты убедишься в том, что она выпьет кровь.

– Отец, у нас достаточно свободных комнат для них всех. – Окликает его Бьорн, когда тот уже толкает дверь и собирается выйти. – Здесь не безопасно!

– Анна отказалась ехать в дом, – бросает Асвальд, не оборачиваясь. – Считает, что цыганской защиты будет достаточно. Жду тебя в машине.

Хлопает дверь, и Сара морщится.

– И в кого ты такой душка, Бьорн? Явно не в этого грубияна. – Фыркает она.

– Нея. – Говорит Бьорн, поворачиваясь ко мне.

– Все нормально. – Заверяю я прежде, чем он начнет извиняться.

– Может, вы, все-таки, поедете к нам?

– Я предпочту немного отдохнуть от твоего отца, – смущенно шепчу я, боясь, что тот услышит мои слова даже сквозь шум дождя и гул двигателя.

– Я не могу тебя так оставить. – Обнимает он меня.

– Кайе правда лучше не оставаться без присмотра. – Вздыхает Сара. – Не переживай, у меня есть клюка. – Она потрясает в воздухе тростью. – Помнишь, я собиралась вмонтировать в нее дробовик? Так вот, я доработала идею: сделаю наконечник из серебра, буду окунать его в святую воду и нати-

рать чесноком. Ни один упырь близко не подойдет!

– Ты тоже веришь в бредни про чеснок? – Отпуская меня, оборачивается к ней Бьорн.

– Нет, просто пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы ты уже отлип от нее. – Усмехается Сара. Она выглядит так, будто вот-вот сама разревется, а еще смешит других. – Ну, же, иди за своим отцом, с нами все будет в порядке.

– Закройся на все замки. – С тревогой в голосе просит он меня.

– Закроюсь.

– Я приду, как только отец сможет сменить меня.

– Не переживай. – Прошу я.

Бьорн подходит вплотную и прижимается лбом к моему лбу.

– Я скоро вернусь. – Шепчет он, взяв мое лицо в свои горячие ладони.

– Кх-кхм. – Напоминает о своем присутствии Анна.

Я смущенно отстраняюсь от Бьорна, но он все равно наклоняется и целует меня в лоб на прощание.

– Обещаю. – Говорит он, уходя.

Когда дверь за ним закрывается, я запираю ее на засов. Оборачиваюсь. Анна стоит, наклонившись на дверной косяк, и пытается прикурить сигарету.

– Вот дерьмо. – Несколько раз щелкает зажигалкой, но та упрямо не дает огня. – Рассказывай. – Просит цыганка.

Я не сразу понимаю, что вопрос адресован Саре.

– А нечего рассказывать. – Сара спешит скрыться от матери на кухне. Садится за стол, берет одну из кружек с кофе и делает несколько жадных глотков.

– Твоя аура. – Бросает ей вдогонку Анна. – Да вот же дерьмо! – Убирает в карман зажигалку и идет за дочерью. Мы едва не сталкиваемся плечами, пытаюсь протиснуться в узкий дверной проем. – Твоя аура буквально сочится страданием.

Она зажигает конфорку на старенькой плите и прикуривает прямо от ее огня.

– Мне даже карты не нужны, чтобы понять, что тебя кто-то обидел.

– Вздор. – Сара прячет взгляд в кружке. – Меня только попробуй обидеть, я сама кого хочешь... – она вдруг умолкает.

– Ладно, скажешь Нее, а я потом прочитаю ее мысли.

– Бред. Ты не читаешь мысли. – Шмыгает носом Сара и отнимает руки от кружки, чтобы заправить сиреневые пряди за уши.

Анна, воспользовавшись этим, хватает со стола ее кофе и допивает залпом.

– Мама! – Вспыхивает Сара.

– Тихо. – Цыкает на нее мать. Она стоит с закрытыми глазами. Видно, как под веками быстро двигаются ее зрачки. – Так-так...

Я сажусь за стол, не отводя от нее глаз. Интересно, что ей может сказать недопитый кофе Сары. Пепел с сигареты

падает на скатерть.

– Напрасные переживанья! – Вдруг после долгого молчания выпаливает Анна. Ставит чашку на стол, разворачивается и уходит. – Они и мизинца твоего не стоят! – Доносится ее голос из коридора.

– О чем это она? – Спрашиваю я, разгоняя ладонью табачный дым.

Но Сара опускает плечи, явно расстроившись, что мать в очередной раз попала в точку.

– Родители Улле. – Выдыхает она, принимаясь за вторую чашку кофе. – Когда они приехали в госпиталь, первым делом попросили меня покинуть палату и держаться подальше. Типа «они же не знают, кто я такая, и что мне тут надо». – Изображает она их надменный тон. – И вообще, «у нашего сына не было девушки, а, если бы и была, то уж точно не такая!»

– Серьезно?.. – Я придвигаюсь к ней и кладу руку на плечо.

– Высокомерные хлыщи! – Вздыхает она. – Я почувствовала себя, как в тот день, когда мы с тобой были на вечеринке в доме Улле. Помнишь, весь тот величественный интерьер: кожа, меха, чучела животных, позолота? Как в долбанном музее, где ты ощущаешь себя неотесанным чужаком среди дорогих экспонатов.

– Представляю, как тебе было обидно от их слов.

– Тогда не особо. Я просто осталась сидеть в коридоре

в зоне для ожидания. Но когда его мерзкая мамаша попросила персонал выпроводить меня на улице потому, что «у кого-то из посетителей могут пропасть личные вещи», вот тут я еле сдержалась, чтобы не отдавить ей носки ее новых брендовых туфель!

– Нужно было отдавить.

– Нужно было оправдать ее ожидания и обчистить карманы ее замшевого тренча – так у меня, хотя бы, были деньги на такси! – Стирая слезы пальцами, хмыкает Сара.

– Хочешь поесть? – Спрашиваю я ее. – Наверняка, в холодильнике найдется что-то съестное.

– Не-а. Мне сейчас кусок в горло не полезет. Еще и нога разболелась... – Она потирает травмированное бедро.

– Тогда иди, прими ванну.

– Хорошая идея. – Говорит Сара, неуклюже поднимаясь из-за стола и оглядывая свою одежду. – Когда Ульрик очнется, первым делом попрошу его познакомить меня с родителями. Так и представляю кислую мину этой дамочки! Вот это будет зрелище! Ради усиления эффекта можно даже наплесть ей, что она скоро станет бабушкой.

Умение смеяться сквозь слезы – лучший из талантов моей подруги, клянусь.

– Ее разорвет на части от такой новости. – Замечаю я.

– Пусть привыкает, мы – каале плодовитые! – Она хлопает меня по плечу.

– Сара, – я поднимаю на нее взгляд. – Я тоже очень пере-

живаю за Ульрика, но глубоко внутренне чувствую, что все будет хорошо.

– Тебе что, передался дар моей мамочки? – Насмешливо говорит Сара. – Не знаю, как она все это делает, но мне явно не дано.

– Думаю, мы с тобой все сделали правильно.

– Да. – Кивает она. – Главное, он жив. – Отойдя на пару метров, Сара оборачивается. – Мне тоже очень жаль, Нея, что Асмунд погиб. Ты заслуживала гораздо больше времени рядом с ним.

– Да.

– И, надеюсь, ты унаследовала все, что хранится в церковном винном погребе. – Бросает она, покидая кухню. – Иначе ради чего это все?

Я улыбаюсь ей вслед.

Даже, если случится апокалипсис, Сара, сидя на единственном не охваченном огнем островке земли, будет веселить меня своими фирменными шуточками.

Глава 4

Остаток вечера проходит в разговорах у камина. Огненные язычки пламени скачут, поленья трещат, отдавая тепло, а мы сидим с Сарой рядом, на мягком ковре, и по деталям обсуждаем прошедшие сутки. В небольшом жилище Асмунда при церкви все произошло так стремительно, что только теперь подробные воспоминания возвращаются к нам: яркими картинками, внезапными вспышками и обрывками впечатлений.

Мне приходится мысленно пережить снова эту трагедию, чтобы дословно воспроизвести Саре мой разговор с Микке, а потом она еще раз переживает схватку с Арвидом, на спину которого кидалась, чтобы не дать ему добить Улле. Нам словно нужно еще раз окунуться в это, чтобы постичь всю тяжесть перенесенных мук и потерь.

Анна в это время окуривает дом и рассыпает ровной тонкой линией соль под порогом. Подсолнечное семя из холщового мешочка она кладет на подоконник, приговаривая себе что-то под нос. Долго вглядывается в дождливый пейзаж за окном, затем рисует пальцем обереги на стеклах и плотно задергивает шторы.

Анна велит нам отправляться спать, и мы делаем это с неохотой. Наши посиделки у камина мало похожи на пивную вечеринку, но мне, словно ребенку, не хочется, что-

бы это заканчивалось. Как будто, я всем своим существом ощущаю ценность таких спокойных вечеров, которые могут в будущем не повториться. Как будто, боюсь того, что закрою глаза, и окажусь там, где мне не будет так же хорошо.

– Давайте, давайте, отрывайте задницы от подушек, – бесцеремонно пихает нас Анна. – Марш спать!

И нам приходится подчиниться.

Я поднимаю к себе в комнату, переодеваюсь в длинную футболку и сажусь на кровать. Достая цепочку и впиваюсь взглядом в пробирку. Той крови дхампири, что есть во мне, слишком мало, чтобы сдерживать демона. Добавляя к ней кровь Кайи, защиту можно усиливать лишь на время. Если бы можно было загадать желание, которое непременно исполнится, я бы хотела стать человеком. Хотя, никогда им и не была.

Интересно, каково это – жить без одержимости, странных снов и фобий? Жить, не страшась самой себя?

Осторожно открутив пробирку от крепления, я откупориваю ее и в один глоток опустошаю содержимое. Затем закрываю и прикручиваю пустую пробирку обратно. На языке разливается сладость с металлическим привкусом. Я морщусь, облизываю губы и забираюсь под одеяло. Выключив ночник, закрываю глаза.

Слышно, как дождь барабанит по крыше, как завывает ветер. Я ворочаюсь в полной уверенности, что не смогу сегодня уснуть. «Ни о чем не думай, расслабься» – приказываю

себе. Наконец, перед глазами пляшут мушки, а мысли начинают путаться, как это обычно бывает, когда ты проваливаешься в сон.

Кровь.

Литры крови.

Ее здесь столько, что у меня жжет в горле.

Она повсюду. На полу, где к ней липнут подошвы школьных туфель, на моей одежде, руках и даже, кажется во рту. Я вся перемазалась кровью дхампири. Мои ладони темнеют от густой, липкой крови, склеившей пальцы.

Куда бы я ни ступила, она везде. Я вижу тело Асмунда, распростертое у моих ног, и знаю, в какой стороне от него лежит голова. Мне страшно даже поворачиваться в ту сторону. Этот взгляд... Один раз увидев, не забудешь никогда. Безжизненные выцветшие глаза, искривленный рот, губы, застывшие в немом крике.

– Асмунд... – Мой голос звучит так тонко, будто доносится откуда-то издалека.

Но тело неподвижно. А на голову я по-прежнему и смотреть боюсь.

– Асмунд, – зову я как в бреду.

Падаю на колени и начинаю захлебываться в рыданиях. Он сражался как воин, но доброта его души стала его погибелью. Асмунд хотел поговорить с ними и потому позволил себе обмануться. Стоило повернуться к ним спиной, и...

У меня перехватывает дыхание.

Я ползу на четвереньках к его голове, чтобы взять ее на колени и прикрыть ему веки. Так правильнее. Внутри меня словно что-то надламывается, когда я прижимаю его голову к груди и баюкаю, точно младенца. Глупо взывать к справедливости, но в этот момент я стискиваю зубы, чтобы не зарычать с досады: попадись мне Ингрид в этот момент, клянусь, стала бы рвать ее на части голыми руками.

Мне хочется кричать, но беспомощный вой гаснет, так и не вырвавшись из меня.

Лес.

Бескрайний, дикий, мрачный. Застывший в ожидании рассвета.

Я бреду вперед в темноте, касаясь ладонями шершавых стволов сосен, чтобы не споткнуться и не упасть. Ноги утопают в мягкой земле, устланной сухими ветвями, листьями и черным мхом. Солнце настагает горные вершины вдаль, и его свет, словно горный цветок, распускается на острых пиках.

Я ускоряю шаг. Почти бегу.

Наконец, среди деревьев, словно ниоткуда начинают проявляться очертания низенькой деревянной хижины с выстланной сосновыми ветками старой крышей. Стены хижины потемнели от времени, а крошечные окна мутнее болотной воды. И, все же, я решаюсь подойти к одному из окон, чтобы заглянуть внутрь.

Стараюсь ступать тише, обхожу камни, дровяник, накло-

няюсь, чтобы не задеть сухие растения, развешанные на веревке, натянутой вдоль одной из стен. И замираю, когда моя юбка шелестит вокруг ног, зацепившись за куст. Освободив ее от пут, прислоняюсь к стене и задерживаю дыхание. Мой слух улавливает низкие вибрации. Что это?

Я прислоняюсь ухом к стене и будто слышу голос. Плавный, мелодичный: он то нарастает, звеня, то стихает – словно говорящий переходит на шепот. Это мужчина. И у его речи есть ритм. Она словно песня.

Да, это песня! Йойк...

Я бросаюсь к окну, не боясь быть замеченной, приникаю лбом к стеклу и сквозь белесую завезу вижу двоих: обнаженную женщину, лежащую с закрытыми глазами на полу посередине комнаты и мужчину, сидящего на коленях подле нее и водящего чем-то вроде плоского камня по ее груди и плечам, испещренным глубокими ранами. Он сопровождает каждое свое движение новой строчкой странной песни и возносит взор к потолку, словно прося кого-то об исцелении этой несчастной.

Проходит мгновение прежде, чем у меня получается разглядеть ее обезображенное почти до неузнаваемости лицо и с ужасом понять, что это Ингрид.

И в этот же момент я со сдавленным выдохом просыпаюсь в собственной постели.

– Ингрид... – выдыхаю я.

И ее имя горит на моих устах.

Сажусь, пытаюсь отдышаться, утираю пот со лба и вдруг ощущаю, как что горячее щекочет нос. Опускаю взгляд – кап! Капля крови падает на одеяло. Кап – еще одна стекает по губе и падает вниз, на белоснежную ткань, превращаясь в маленькое ассиметричное пятно.

– Проклятье! – Придавив нос пальцами, я встаю и бреду в ванную.

Плечусь почти наугад, так как перед глазами расплываются круги. Ноги еле держат, силы ко мне так и не вернулись. Да еще и сон, похоже, высосал их остатки.

После того, как мне удастся остановить кровотечение, я принимаю душ. Долго сижу в ванной, поливая лицо водой и пытаюсь собраться с мыслями. Затем выхожу, возвращаюсь в комнату и только в этот момент отмечаю, что погода за окном наладилась. Переодеваюсь, расчесываю мокрые волосы и спускаюсь вниз.

– Не зови мертвеца, если не хочешь, чтобы он пришел. – Этими словами встречает меня в кухне Анна.

Она вообще ложилась? На ней та же одежда, что и вчера, а в зубах зажата сигарета, от которой дым поднимается к потолку. Когда я сажусь за стол, она открывает форточку, затем ставит передо мной бутерброды и черный кофе, который выглядит таким густым и крепким, что кажется, будто ложка останется стоять в нем, если ее там оставить.

– И что это значит? – Спрашиваю я, разглядывая себя в от-

ражении на поверхности напитка.

– Это кофе по старому цыганскому рецепту и бутерброды, которые я слепила из того, что нашла на кухне: подсохший хлеб, пришлось его подмолодить в тостере, пара вялых салатных листьев, кружочек томата, ветчина и какой-то соус из холодильника: не знаю какой, но пахнет не дурно.

– Нет, я не про это. – Поднимаю на нее взгляд. – Про мертвеца. Что значат ваши слова?

– А, это. – Она садится за стол. – Ты звала ночью Асмунда, не стоит этого больше делать. Мы похоронили его, как завещано, но ты же не хочешь, чтобы его не упокоенная душа вернулась к тебе в виде призрака?

– О... – Хмурюсь я. – Нет, не хочу. Просто мне снилось...

Я прикусываю губу, и Анна кивает, не требуя объяснять.

– Скорее хлебни кофе, дорогая. – Наклоняясь вперед, просит она.

И придвигает мне кружку ближе.

Я делаю глоток и начинаю кашлять.

– Что такое?

– Странный привкус. – Хрипло отвечаю я.

– Всего лишь пепел моей бабушки. – Отмахивается Анна.

– Вы подсыпали мне пепел в кофе?!

– Щепотку. – Видимо, эти слова должны меня успокоить. – Тебе нужны силы, Нея. Воскрешение не проходит даром, и ты как выжатый лимон. Гляди-ка. – Она достает из кармана брюк круглое зеркальце в пестрой тканой опра-

ве. – У тебя глаза кровоточат.

Я беру его, заглядываю в отражение и с потрясением убеждаюсь в том, что она права. На моих веках дрожат кровавые слезы.

– Что это значит? – Спрашиваю, коснувшись капельки в уголке глаз и посмотрев на красноватую жидкость на пальце.

– Ты неумело расходуешь свой ресурс, большая нагрузка на организм.

– Я видела во сне Ингрид. – Признаюсь, переводя на нее взгляд.

– Серьезно?

– Раньше она все время ускользала, но сегодня я нашла хижину, в которой она прячется.

– Ее защита ослабла. – Заключает Анна, задумчиво подперев рукой подбородок.

– Наверное. – Киваю я, смахивая с глаз остатки кровавых слез. – У нее ужасные раны. Арвид пытается ее лечить, а она как будто без сознания.

– Поэтому ты смогла пройти через ее барьеры. Значит, Арвид с ней? В той хижине?

– Да.

– Ты сможешь найти ее?

– Она в лесу, но вряд ли... – Я задумываюсь на секунду. Разве что в следующем сне попробую.

– Возможно, хижина тоже под ведьминской защитой. Ес-

ли ты смогла обойти заклинание, значит, Ингрид совсем плохо. Возможно, она между жизнью и смертью.

– Значит, я могла бы...

– Даже не думай! – Строго говорит Анна. – Посмотри на себя, тебе нужен отдых. Аура вся в дырах. – Она качает головой. – Если один из них прикончит тебя во сне, ты уже не вернешься в реальный мир, застрянешь навсегда в подсознании.

– Но когда Нея восстановится, она должна научиться управлять своими снами. – Вдруг раздается голос Сары. Мы поворачиваемся, она стоит в дверях: растрепанная, босая, в пижаме. – Теперь, когда кровь Кайи удерживает ее внутреннего демона, она могла бы применить способность хождения во снах на пользу общему делу. Думаю, это возможно. Нужно только потренироваться, разобраться во всем этом. – Теперь подруга поворачивается ко мне. – Будет здорово, если ты научишься контролировать эту фигню, Нея.

– Не знаю, получится ли. – Пожимаю плечами.

– Для этого тебе точно понадобятся силы. – Говорит Анна, придвигая ко мне бутерброды. – Ешь. – И встает, чтобы налить кофе дочери.

– Что-то слышно об Ульрике? – С надеждой спрашивает Сара, садясь за стол. – Мой телефон молчит.

– Пока тишина. – Отвечаю я.

– Выпей кофе. – Анна ставит перед ней чашку и тарелку с бутербродами. – И поешь.

– Опять бахнула туда бабулин прах? – Вздыхает Сара. – Уже чую по запаху.

– Твоя прабабка была бы только рада помочь тебе. – Хмыкает Анна.

– Знаешь, чему я рада? – Ворчливо отзывается Сара. – Тому, что кому-то из моих потомков тоже придется употреб-
лять в пищу мой прах. Не одной мне страдать.

– А ты страдаешь? – Улыбается ее мать. – По-моему, вкус-
ный кофе.

– Интересно, как себя идентифицируют духи моего ро-
да? – Вдруг задумывается Сара. – Если бы я умерла и ожила,
то кем бы обернулась?

– Бродячей собакой. – Без раздумий отвечает Анна. –
А что? Мы кочевой народ.

– Мам! – Стонет Сара.

– А что? Точно тебе говорю. Не корги и не мопсом ка-
ким-нибудь, а блохастым бродячим псом. С бельмом на гла-
зу, одноухим, хромым... Ой!

– Мама...

У меня не получается удержаться от смеха. Их перепалки
всегда меня веселят.

Глава 5

– Садись уже за стол. – Приглашает свою дочь Анна.

– Сейчас, только сначала покажу кое-что своей подруге. –

Отвечает Сара и машет мне рукой, увлекая за собой в коридор.

– Ты про охранника в саду? – Усмехается цыганка.

– Ага!

– Охранника? – Не понимаю я. – О чем это вы?

– Ты его правда не видела?

– Кого?

– Идем уже! – Зовет Сара нетерпеливо.

Не дожидаясь от Анны разъяснений, я встаю из-за стола и спешу за подругой. В этой смешной белой ночной рубаше она похожа на привидение.

– Да погоди ты! – Дергаю ее за подол. – Куда мы идем?

– Не кричи, а то разбудишь хозяина леса. – Прыскает со смеху Сара.

Подкрадывается на цыпочках к двери, ведущей на веранду, где Ингрид успела оборудовать себе мастерскую, и припадает лицом к стеклянному окошечку в ней.

– Бьорн? – Шепчу я удивленно, тоже заглядывая в него.

– Хорошо, что не лег перед главным входом. – Тихо говорит Сара. – Представляешь лица соседей, обнаруживших утром на твоём крыльце вместо газеты сладко сопящего

мишку размером с автомобиль?

– Когда он пришел?

– Ночью, уже после полуночи. Видимо, решил никого не будить и улегся в саду. Мама все равно всполошилась из-за шума, уже собиралась поднять тревогу, как поняла, что знает ночного визитера.

– Она не открыла ему дверь?

– Он сам пожелал остаться за ней.

– Это он ей сам сказал?

– Нет, она понимает по-медвежьи. – Язвит Сара. – Да не знаю я!

– А я ничего не слышала ночью.

– Ты сильно устала.

– Или мое сознание путешествовало, и я просто не способна была что-то слышать.

– Ты только посмотри, какой он милый. – Толкает она меня локтем. – У него когти длиной как мои пальцы.

– Да. Жуть. – С улыбкой говорю я.

– Не проси его почесать тебе спинку.

– Не буду.

– Как Бьорн вообще справляется? – Шепотом спрашивает Сара, она аккуратно поворачивает запорный механизм замка, чтобы Бьорн смог войти, когда проснется. – Я вижу, что у него уже лучше получается себя контролировать.

– Осталось научиться обращаться, когда он этого захочет, а не в моменты эмоциональных волнений.

– Значит, переживал за тебя вчера.

Я молчу, сглатывая тугой ком переживаний. Следующий вдох дается мне с большим трудом.

– Знаешь... – Осекаюсь на полуслове. Отхожу от двери и дожидаюсь, пока Сара не обернется ко мне. – Все очень не просто. Возможно, нам с ним следовало бы остаться друзьями.

У меня перехватывает горло. Неужели, я только что произнесла это вслух?

– Вот как. – Сара упирает руки в бока. – И почему ты так решила? Кому будет лучше от того, что вы станете держаться подальше друг от друга? Это несправедливо!

– Иногда справедливость трудно узнать. – Вздохнув, отвечаю я.

– Вы с Бьорном созданы друг для друга и все сможете преодолеть. – Касается моего локтя Сара.

Я бросаю взгляд на мирно спящего у ступеней, ведущих на веранду, медведя, и по моей спине пробегают мурашки. Однажды мой внутренний монстр все равно вырвется наружу, и если не Бьорн, то Асвальд положит этому конец.

– Может, ты и права.

От тяжелых мыслей нас отвлекает трель телефона.

– Эта штука еще работает? – Удивляется Сара. – Я думала, она для красоты.

– Сама удивилась, когда он впервые зазвонил. – Выдыхаю я.

Звонок повторяется, но ни одна из нас не двигается с места.

– Это насчет Ульрика. – Спеша с кухни в гостиную, говорит Анна.

– Знаю. – Отзывается Сара, хватаясь за мое плечо как за опору.

– У тебя ведь хорошее предчувствие? – Кошусь я на нее.

– Не знаю.

– Но вид у тебя испуганный.

– Знаю. – Сглотнув, отвечает Сара.

– Знаю, не знаю, знаю. – Усмехаюсь я, но тут же буквально кожей ощущаю волнение, которое испытывает подруга. Она вся превратилась в слух.

– Да. Да-да. – Раздается голос Анны из гостиной. – Да-а... Хорошо!

Сара сжимает мою руку до боли. Слышно, как ее мать кладет трубку. Мы считаем шаги, почти не дыша.

– Ну? – Почти кричит Сара, когда Анна появляется в дверном проеме.

Женщина позволяет себе сдержанно улыбнуться.

– Он очнулся, можно его навестить.

Мы с Сарой как по команде облечено выдыхаем.

– Слава богу. – Заставляет нас вздрогнуть мужской голос за нашими спинами.

Оборачиваемся. Это Бьорн – стоит в дверях уже в своем человеческом облике. Волосы распущены и небрежно каса-

ются плеч, лицо выглядит усталым, одежда помята, ноги босые. Он прочищает горло, нервно поправив ворот джемпера.

– Извините, что напугал.

Я делаю рваный вдох в попытке удержать себя от того, чтобы не броситься ему в объятия.

– Мы ждали, что ты перевоплотишься обратно и поступишься в дом голым. – Беззастенчиво хмыкает Сара, оглядывая его. – А ты оказался предусмотрителен.

– Приспосабливаюсь. – Пожимает плечами Бьорн.

– То есть, ты разделся, сложил одежду стопочкой на веранде, обернулся и улегся спать на пороге?

– Не хотел никого будить. – Смущенно улыбается он.

– Было бы забавно видеть лицо госпожи Фредлунд, чей участок прилегает к этому. Она и так уже шпионит за территорией потому, что здесь поселились цыгане.

– Это та старушка с биноклем из домика слева? – Задумывается он. – Кажется, она даже присвистнула, увидев мою голую задницу в свете луны.

– Если до сих пор полиция не здесь, значит, свидетелем дальнейшего она не стала. – Театрально утирает и смахивает пот со лба Сара.

Я качаю головой:

– Ну, и шуточки у вас.

Смотрю на Бьорна с деланной укоризной. Он подмигивает мне, и я замечаю грусть в его взгляде.

Надеюсь, он не слышал, о чем мы тут говорили с Сарой

до его пробуждения.

– Ну, что? Поедем в больницу? – Отвлекает нас Анна.

– Да. – Кивает Бьорн. – Отец не сказал, все ли с ним в порядке?

– Сообщил, что родители Ульрика повидали сына и только что удалились на завтрак. Их не пустят к нему, пока мы не повидаем больного. Доктор сообщил им, что тому необходимо поспать несколько часов.

– Тогда нам стоит поторопиться. – Говорит Бьорн, возвращаясь на веранду за обувью.

– А я возьму инструменты. – Сообщает Анна, бросаясь наверх.

– Это ее саквояж с цыганскими прибабасами. – Объясняет Сара. – Хочет, видимо, посмотреть Улле «поглубже». – Вздохнув, она отправляется следом за матерью, окончательно позабыв про бутерброды и кофе, оставшиеся на кухне. – Мне тоже нужно переодеться.

Глядя, как она хромает, пытаюсь взобраться по лестнице, я буквально физически ощущаю, как мое сердце обливается кровью от переживаний за нее.

– А кто с Кайей? – Спрашиваю у Бьорна, едва подруга скрывается наверху.

– Ночью меня сменил Бек. – Отвечает он, надевая кроссовки. Входит обратно в дом, запирает дверь. – Отец будет взбешен, но я и так чуть с ума не сошел, мечась между вами. Не хочу потерять ни тебя, ни сестру. – Бьорн достает что-то

из кармана джинсов. – Кстати.

Я задерживаю дыхание в ожидании.

– Кайя передавала тебе привет. – Говорит он, разжимая кулак. На его ладони лежит пробирка с темно-красным содержимым.

– Новая доза. – Вздыхаю я. – Передай ей мои слова благодарности.

Бьорн подходит и пальцем выуживает цепочку из-под моей одежды. Молча, выкручивает из кулона пустую пробирку, прячет в карман, затем прикрепляет на ее место полную.

– Если бы знала, что ты придешь ночью... – Я заключаю его в объятия. – Прости, что пришлось спать под порогом!

Забавно, но выглядит это так, будто я уткнулась лицом в могучую гору. Когда руки Бьорна смыкаются на моей спине, я закрываю глаза от удовольствия. Он обнимает меня, больше не произнося ни слова.

Глава 6

Городской госпиталь оказывается большим современным зданием, отделанным под старину. Кирпич будто потемнел от времени, а оконные проемы в духе готики средневековья на верхних этажах чудесным образом сочетаются с панорамными окнами на первых и подтверждают величие строения. А центральный элемент на крыше, точно горный пик, так и стремится в небеса.

Я немного притормаживаю, чтобы насладиться зрелищем и в полной мере ощутить мощь здания, а вот Сара чешет к входу, не поднимая головы и, кажется, даже позабыв о том, что нужно беречь ногу.

– Один из Хельвинов служил хирургом в этом госпитале во время Второй Мировой. – Делится Бьорн, когда мы пересекаем подъездную дорожку. – Тогда здание было в разы меньше и уже рассыпалось от старости. Часть его удалось сохранить, и сейчас это восточное крыло.

– Твои предки активно участвовали в жизни Реннвинда. – Говорю я, когда мы входим в большой, хорошо освещенный холл. – Градоначальник, полицейский, пастор, врач, кто еще?

– Брадобрей. – Усмехается он. – Да, и такое тоже было. Все свежие сплетни, как ты, наверное, знаешь, сначала стекаются к парикмахерам.

– Тоже верно.

– А первый Хельвин, согласно записям в книге, тоже был врачом.

– Даже так?

– А позже основал здесь первую церковь и стал ее настоятелем.

– Нам куда? Налево или направо? – Догоняет нас Анна. – Асвальд сказал, что палата парнишки на втором этаже.

– Лифты справа. – Указывает Бьорн. И осекается. – Но ваша дочь уже атакует лестницу.

Проследив за его взглядом, я убеждаюсь, что Сара уже поднимается по широким ступеням слева.

– О, этот зов любви. – Хмыкаю я.

– Все еще хуже, чем я думала. – Ворчит Анна, следуя за ней. – Она помешалась на нем. Когда я в последний раз помешалась так сильно на ком-то, все кончилось тем, что мы разбежались, чуть не поубивав друг друга. Если бы не дочь, можно было бы считать, что этот союз не дал мне ничего хорошего.

Мы переглядываемся прежде, чем броситься догонять их.

– Но Ульрик идеально подходит Саре. – Шепчу я Бьорну. – Кто еще станет терпеть ее вздорный характер и вечное старушечье недовольство всем и вся?

– Абсолютно согласен. Никто, кроме Сары, не выдержит его бесячих шуточек, хвастовства и разгильдяйства.

– Это называется легкость в отношении к жизни.

– Разгильдяйство.

– Можете войти. – Встречает нас Асвальд у двери в палату Ульрика.

Не успевает он договорить, как Сара, задев его плечом, уже врывается в помещение. Анна, пожав плечами, wpłyвает в палату вслед за дочерью.

– Как он? – Шепотом спрашивает Бьорн у отца прежде, чем мы последуем их примеру.

Асвальд мотает головой.

– Без особенностей. Обычное пробуждение. С тобой было по-другому.

– Он не обращался? – Хмурясь, переспрашивает Бьорн.

И бросает взгляд на открытую дверь палаты, выглядывая через его плечо.

– Нет. – Прищуривается Асвальд.

Я отхожу от них на шаг и бросаю взгляд на палату. Ульрик лежит на широкой медицинской кровати с бортами, по обе стороны от него куча приборов и датчиков, но все уже выключены. Кажется, парень просто спит: его руки опущены вдоль туловища, грудь мерно поднимается на вдохе и опускается на выдохе.

– А его глаза?

– В норме.

Я оборачиваюсь и ловлю на себе недоумевающий взгляд Бьорна.

– И что это значит? – Спрашивает он меня.

Как будто я каждый день кого-то оживляю и знаю, что из этого выйдет. Это всего лишь второй раз и, надеюсь, последний.

– Мы точно видели это. – Подтверждаю я. – Спроси у Сары. – Киваю на подругу, которая расположилась по правую руку от Ульрика и не отрывает от него взгляда. – Его глаза больше не были его глазами. Желтые, как огонь, с черным зрачком посередине. Он посмотрел на нас, а затем его веки сомкнулись. Такое не может показаться...

– Не знаю, хорошо это или плохо. – Глядя на меня с недоверием, заключает Асвальд. – Но нам нужно быть начеку, не отходить от него ни на секунду, хотя бы, еще пару суток. Если тьма внутри него, однажды она себя проявит.

– Ульрик. – Шепчет Сара, нежно касаясь его руки. – Проснись. Пожалуйста. – Жалобно просит она.

– Он потерял много крови, и потому еще очень слаб. – Объясняет Асвальд, заходя в палату.

Мы входим следом за ним, и я прикрываю дверь. Теперь спящий, бледный Улле окружен визитерами со всех сторон.

– Луна всегда прячет свою темную сторону. – Доставая из чемодана какую-то штукювину, произносит Анна. Это цепочка, на конце которой болтается кулон – темный с вкраплениями рыжего остроугольный камень. – Помоги мне, Сара.

Она протягивает дочери мешочек. Та послушно вынимает оттуда черные перья и начинает раскладывать на груди Ул-

ле, пока они не образуют что-то, напоминающее по форме солнце.

– Кольцо. – Командует Анна.

Сара шарит по карманам, затем, словно сообразив что-то, торопливо вынимает из нижней губы серебряное колечко и кладет по центру – как раз туда, где смыкаются основания перьев.

– Покажи. – Разматывая цепочку над грудью Ульрика, шепчет Анна. – Покажи...

И я, наконец, понимаю: это маятник. Острый уголок камня замирает как раз над центром кольца, а затем, повинувшись неведомым силам, вдруг начинает раскачиваться. Туда-сюда, туда-сюда. Быстрее и быстрее. Не знаю, как цыганка это делает, но камень на цепочке внезапно словно замирает, а затем меняет траекторию – пускается кружиться по кругу, создавая такое движение воздуха, что птичьи перья начинают подрагивать, будто собираясь взлететь.

– Оно там? Внутри него? – Не выдерживает Асвальд.

Анна скрежещет зубами – он ее сбил. Женщина останавливает свободной рукой маятник и поворачивается к нему – явно не для того, чтобы поблагодарить, но в этот момент раздается голос Улле:

– Что еще за «оно»?

– Ульрик! – Радостно восклицает Сара.

Он бледен, его губы потрескались, волосы спутаны и торчат в разные стороны, но взгляд – это по-прежнему взгляд

Ульрика, его светлые, добрые глаза, которые не спутать ни с чьими другими.

– Привет. – Говорит ему Бьорн.

И мы улыбаемся, пока Ульрик оглядывает нас всех по очереди: Анну, Бьорна, Асвальда, меня, и затем его взгляд останавливается на Саре.

– А... – немного растерянно тянет он. И снова пробегаются глазами по каждому. – А вы... кто?

У Сары кровь отливает от лица, она кажется шокированной. Я сдавленно охаю, а Бьорн в недоумении склоняет голову набок: «Как же так?»

Но уже в следующую секунду тактичное покашливание Асвальда заставляет Ульрика одуматься.

– Боже мой, вы бы только видели свои лица! Умо-о-ора! – Смеется он. Его голос звучит хрипло и на полтона ниже. – Не могу поверить, что вы так легко купились!

– Как остроумно. – С облегчением выдыхает Бьорн.

– Это того стоило!

– С возвращением, – качаю головой я.

– А ты чего? – Поворачивается Ульрик к Саре. – Нос повесила, губы надула. Не с той ноги сегодня встала?

– Еще одна шуточка про ногу, и ты лишишься обеих своих. – Фыркает Сара, сжимая его ладонь.

– Рад тебя видеть, брюзга. – Расплывается он в улыбке, глядя на свою девушку. – Ужасно соскучился по твоим губам, боялся, что забуду, какие они на вкус. – И перехва-

тив смущенный взгляд Сары, брошенный в сторону матери, поворачивается к ней. – Ой, и вы тут. Сделайте вид, что не слышали, ладно? Как дела? – Его глаза перемещаются с ее нахмуренных бровей на маятник, зажатый в руке, а затем на разложенные на его собственной груди черные перья. – Ух, ты... – Бормочет Ульрик. – Собрались устроить вечеринку?

– И как я могла забыть, почему ты мне не нравишься? – Вздыхает Анна, пряча в карман маятник. – У тебя не язык, а помело.

– Не сопротивляйтесь. – Усмехается он, глядя, как она собирает перья обратно в мешочек.

– Чему?

– Моему обаянию. Это то, что вам так нравится во мне. Обаяние всегда бьет красноречивость.

– Красноречивость и болтливость – разные вещи. – Перетягивая мешочек тесьмой, ухмыляется Анна.

– Признайтесь уже, что вы тоже от меня без ума!

Цыганка вздергивает бровь, Ульрик парирует широкой улыбкой.

– Ты ему говорил? – Прерывает их обмен любезностями Бьорн вопросом, обращенным к отцу.

– Нет. – Отвечает Асвальд, складывая руки в замок.

– О чем? – Морщит лоб Улле.

– Ты помнишь что-нибудь о нападении на тебя? – Спрашивает у него Бьорн. – Помнишь, как оказался в больнице?

– Ты про мужика с клинком? Отца Микке? – Лицо Ульрика мрачнеет. – Я почти одолел его, когда он снова подобрал его с пола и... – Он зажмуривается на секунду. – Я даже не понял сразу, еще продолжал драться, а потом ощутил слабость...

– А потом? Ты помнишь, что было дальше?

Улле хмурится, глядя на друга.

– Я слышал голос Сары. – Вяло пожимает плечами. – Затем очнулся уже здесь, увидел врачей, дядю Асвальда, потом ко мне пустили родителей.

Мы переглядываемся друг с другом, и это не укрывается от Улле. Он пытается приподняться, но, почувствовав боль, оседает обратно на подушки.

– И больше ничего? – Склоняется над ним Бьорн.

– А было что-то еще? – Искренне недоумевает Ульрик. Но никто ему не отвечает. Тогда он впивается взглядом в Сару. – Что я пропустил?

Она забирает колечко, которое уже успело скатиться с груди Ульрика и лежит теперь рядом с ним, на простыни. Сжимает его в кулаке, тяжело вздохнув.

– Ничего хорошего. – Тихо говорит Сара. – Ты умер, Ульрик.

– Но я... – Он принимается ощупывать себя. – Я...

– А Нея не дала тебе уйти.

– Нея... – Улле уставляется на меня. – Подожди. Нея, ты что... – Он осекается, когда я поворачиваюсь к нему так, что-

бы он мог видеть вторую седую прядь. – О...

– Вот именно. – Сара гладит его руку. – Нам очень жаль, прости.

– Жаль чего? – Нервно усмехается он.

– Мы очень переживали за тебя. – Вступаю в разговор я. – Все-таки, если ты выжил, ты перестал быть человеком. Мы ожидали, что у тебя будут проблемы, как были у Бьорна. Боялись, что ты очнешься и не сможешь контролировать свои...

– Я что, теперь тоже буду медведем-оборотнем? – Его глаза загораются надеждой.

– Мы не знаем. – Отвечаю я честно.

– Это будет происходить по моей воле? Или в полнолуние? Я буду убивать только тех, кого захочу? Или всех подряд, не соображая? Это значит, я и сейчас могу обратиться, если пожелаю? А как пожелать? – Точно из пулемета расстреливает нас вопросами Ульрик. – А разве это не должно было произойти, как только я приду в себя?!

– Что-то он не кажется особо расстроенным. – Задумчиво подводит итог услышанного Асвальд.

– Жизнь всегда лучше смерти. – Понизив голос, произносит Бьорн. – Какой бы она ни была.

– В этом и дело. – Игнорируя их, я делаю шаг к постели Ульрика. – Мы пока не понимаем, что происходит. Ты абсолютно точно умер. И абсолютно точно воскрес кем-то другим, мы с Сарой видели это. – Я развожу руками. – Когда твоя вторая сущность проявится, остается только гадать.

– Он был человеком. – Потерев подбородок, задумчиво добавляет Анна. – Последствия не предсказуемы. Одно могу сказать точно: если не пытаться это контролировать, ничего хорошего точно не выйдет. – Она обращает свой взгляд на него. – И если ты будешь представлять опасность, мы вынуждены будем принять меры.

– Бойтесь, что я сожру кого-то из вас? – Смеется Улле. Но обнаружив, что никому из нас не до смеха, мрачнеет и заходится в кашле. – Так вы это серьезно? Да я на больничной койке!

– Не навсегда. – Качает головой Анна. – Скоро ты обнаружишь в себе такие силы, что опьянеешь от могущества. И вот тогда будет очень трудно остановиться.

– Обещаю, что долго думать не буду. – Глядя Ульрику в глаза, откровенно сообщает Асвальд. – Если хоть кто-то пострадает, или ты будешь представлять, хотя бы, малейшую опасность для кого-то из...

– Неправильный подход. – Обрывает его Улле. Впервые он выглядит серьезным и взрослым. – Вы должны помочь мне адаптироваться, а не рубить с плеча. Если эта страшная хвостатая тварь вернется и приведет себе подобных, вам пригодятся союзники. Два медведя лучше одного, разве нет?

– Такая жизнь не для каждого. – Предупреждает его Асвальд. – Ты уже не сможешь быть просто школьником или студентом, просто завести семью и наслаждаться бытом. У тебя больше вообще не будет ничего простого.

– Может, я обнаружу в этом свое призвание?

– Ты говоришь об этом, как о веселье. – Качает головой начальник полиции. – Я бы не пожелал такой жизни никому. Ни тебе, ни своему сыну. Но у дхампири нет права выбора: мы рождаемся чудовищами, и миру не обойтись без таких, как мы.

– Ну, у меня-то тоже теперь выбора особо нет. – Приправляет горькую правду улыбкой Улле. – Я не умер, и это хорошо. А если смогу быть полезен, будет супер. – Он подмигивает мне и переводит взгляд на Асвальда. – Пока я не ощущаю никаких перемен, но как только почувствую, прибегу к вам. Если превращусь во что-нибудь страшное и брошусь на вас, пристрелите меня как бешеную собаку, ладушки?

– Боже. – Вздыхает Анна.

– А вдруг это не легкомысленность, а смелость? – Играя бровями, обращается он к ней. – Признайтесь уже, вы обожаєте меня.

– Ха-ха. – Отвечает она, ничуть не удивляясь его выходкам.

– Иначе бы не пришли сюда водить перьями над моей головой.

Анна что-то бросает ему на цыганском и принимается убирать остатки вещей в саквояж.

– Что она сказала?

– Что у тебя язык без костей. – Улыбнувшись, произносит Сара.

– Ничуть не обидно. – Довольно констатирует он. – Похоже, мы с ней поладили.

Анна ворчливо добавляет еще что-то по-цыгански.

– Ну, точно. – Улыбается Ульрик.

– Я не могу оставить тебя здесь без присмотра. – Взглянув на часы, подытоживает Асвальд. – Бьорн, тебе придется побыть с Улле.

– Но я...

– Мы все побудем здесь какое-то время, если позволят врачи. – Вступаю я.

– И твои родители. – Добавляет Сара, глядя Ульрику в глаза. – Они не подпускали меня к тебе вчера.

– Они тебя как-то обидели?

Пока Улле с Сарой перешептываются, разговаривая о его родителях, Асвальд отводит Бьорна в сторону.

– Жители требуют найти виновных в многочисленных смертях, и полиция не может бездействовать, поэтому Бек будет мне нужен сегодня в отделе. – Говорит он. – Постарайся вернуться домой к вечеру, и без фокусов. Твоя сестра не должна оставаться без присмотра ночью.

– А Ульрик? – Бьорн бросает взгляд на друга.

– Я закончу с делами и приеду. Переночую здесь.

– Хорошо.

Асвальд кладет руку на плечо сына:

– Мне же не стоит беспокоиться, что ты опять куда-то сбежишь?

– Нет. – Твердо отвечает он.

– Подкинешь меня до дома? – Прерывает их Анна.

Прежде, чем ответить, Асвальд еще пару секунд сверлит сына суровым взглядом, затем поворачивается к ней:

– Конечно.

Глава 7

Мы проводим почти весь остаток дня в больнице у постели Ульрика. Делимся новостями, смеемся, грустим, вспоминаем Асмунда и тот час, когда он погиб. Прерываем болтовню только, когда возвращаются родители Улле. Их присутствие, надо признать, смущает нас меньше, чем их наше. И стоит отдать должное матери Ульрика: когда сын знакомит их с Сарой, на ее лице не дергается ни один мускул. Она даже не подает вида, что когда-то видела эту девушку или имеет что-то против нее.

Сара тоже держится уверенно и весьма дружелюбно, но от нас не укрываются короткие раздраженные взгляды матери Улле и ее периодические попытки намекнуть, что нам пора уходить, чтобы дать больному отдохнуть. Перед тем, как нам приходится попрощаться, его родители выходят в коридор, и мне удается рассказать ребятам, что я видела сегодня во сне Ингрид.

– Если бы я только мог до нее дотянуться, я бы не сдерживался: порвал бы на части! – С жаром признается Улле. – Представляю, каково тебе, Нея. Ты, наверное, пожалела, что явилась к ней не в облике мары. Эта дрянь причинила тебе столько вреда!

Я не успеваю ответить: в палату со стаканом воды и лекарствами возвращается его мать, за ней входит медицинская

сестра.

– Мальчику нужно принять препараты и поспать. – Командует последняя.

– Ясное дело, пошла, пожаловалась, – шипит мне на ухо Сара.

Но делать нечего, приходится подниматься. Я машу Ульрику на прощание, а подруга целует его в губы – ответная шпилька для его матушки.

– Увидимся завтра. – Обещает она.

– До скорого! – Я подмигиваю Улле.

Он отвечает тем же. Его родительница уже не скрывает неприязни, провожая нас взглядом. Особенно ее шокирует трость, на которую опирается Сара.

– Я буду тут, неподалеку. – Жмет Ульрику руку Бьорн. – Поспи.

И следом за нами выходит в коридор.

– Не спускай с него глаз. – Просит Сара, вцепляясь в его рукав. – Хотя, если Ульрик поужинает своей противной мамашей, я буду не против. – И тут же, улыбнувшись, добавляет. – Шутка. – И, пожав плечами. – А, может, и нет.

– Вызову вам такси. – Говорит Бьорн, доставая телефон. Затем поворачивается ко мне. – Ты так и не надумала переехать к нам?

Я мотаю головой:

– Ульрик прав. Мы должны научиться защищать себя – каждый из нас.

– И каким же образом?

– Шутка про дробовик уже не кажется просто шуткой, да, подруга? – Обняв меня за плечи, шутит Сара. – Ты, хотя бы, можешь взять у своего парня уроки рукопашного боя, а мне предстоит крепко подумать над тем, чем я планирую отпугивать кровососов, если они явятся по мою душу!

– Потренируешь нас, когда Ульрику станет лучше? – Прошу я Бьорна.

– Бросьте эти глупости, лучше езжайте домой и отдохните. – Не торопитесь соглашаться он. – Ты бледная, будто вот-вот хлопнешься в обморок, Нея.

Бьорн подходит ближе и убирает мне за ухо одну из выбившихся прядей. Его губы дрожат: он будто внутренне борется с собой – с одной стороны необходимо приглядывать за Улле, с другой – защищать меня и сестру. А еще есть Сара и ее мать. Не представляю, что такое быть дхампири. Это, по сути, быть сразу за всех вокруг в ответе.

– Наверное, ты прав. – Спешно уступаю я, пока его не затопило чувством вины. – Мне нужно отдохнуть, восстановить силы.

Бьорн провожает нас до стоянки, и я обнимаю его на прощание перед посадкой в такси.

– Я, может, и не такая крутая, как моя мать, – тихо произносит Сара, пока я машу ему рукой в окно, – но нутром чувую, что ты что-то задумала.

– Вовсе нет.

– Смерть Асмунда и то, что произошло с Ульриком, подкосило нас всех. – Берет она меня за руку. – Но, убегая от своей боли и своих чувств, ты не должна бежать от Бьорна.

– Я не собираюсь никуда бежать. – Честно отвечаю я. – Но мне нужно придумать, как найти и уничтожить Ингрид. Не хочу, чтобы она причинила вред кому-то еще.

– Может, она и не выкарабкается. – Заметив интерес водителя к нашему разговору, переходит на шепот Сара. – Сама же сказала, что ее чары рассеиваются, а раны так глубоки, что она не приходит в сознание.

– Да, но... – Я спотыкаюсь на полуслове, испугавшись пришедшей на ум шальной мысли.

– Тебя убьет любовь. – Вдруг говорит подруга отрешенно. Ее слова возвращают меня к реальности.

– Чего? – Я поворачиваюсь к Саре и вижу, что ее глаза почти полностью закатились наверх, под веки. – Эй. Сара! – Трогаю ее за плечо.

– Тебя убьет любовь. – Повторяет она. – Убьет. Убьет...

И начинает дергать головой. Через секунду к голове присоединяются плечи, затем кисти рук, затем уже дергается все тело.

– Сара! – Кричу я, пытаюсь прижать ее к сидению, чтобы она не ударилась и не навредила себе. – Сара!

– Эй, что там с ней? – Останавливает машину таксист.

И в следующее мгновение все прекращается. Сара обмякает на сидение, всхлипывает, открывает глаза. Она кажется

напуганной и уставшей, на ее лбу выступил пот.

– Сара... – Я вытираю пот с ее лица ладонями и заставляю ее посмотреть на меня. – Как ты?

– Мне нехорошо. – Бормочет она, положив руку на грудь. – Сердце бьется так быстро...

Затем бросается, открывает дверь, выбирается наружу и сгибается пополам. Слышно, как ее рвет. Я вылезаю, оббегаю автомобиль и склоняюсь над Сарой.

– Ты так и не принимаешь обезболивающие? – Спрашиваю, поглаживая ее по спине.

– Нет. Ты же знаешь. – Сара кашляет. – Они мешают.

– Черт с ним, с даром. Ты терпишь боль! Ради чего?

Она выпрямляется, вытирает бледные губы рукавом.

– Я не хочу быть бесполезной.

– Ты же видишь, какой это нелегкий труд. – Пытаюсь разубедить ее я. – Когда твоя мать общается с мертвыми, это отнимает у нее все силы. А видения? Жуть какая-то. Зачем это тебе?

– Нельзя не принять дар предков. – Сара бросает на меня измученный взгляд. – Это грех. Я не могу заблокировать его таблетками и жить, как ни в чем не бывало. Не сейчас. Не тогда, когда моим близким грозит опасность.

– Что ты видела?

Она упирает ладонь в кузов машины.

– Ничего.

– Не обманывай. – Качаю головой я. – Ты сказала, что ме-

ня убьет любовь.

– Я так сказала?.. – Ее глаза округляются.

– Да. Ты повторила слова той цыганки. Но ведь мы это уже давно пережили. Бьорн создан убивать таких, как я, а он – угроза моего существования. Один из нас должен был убить другого ради собственного выживания, но мы сломали систему. К чему тебе вдруг привиделось старое пророчество?

– Я так сказала?.. – Едва не теряет равновесие Сара.

– Да. А потом у тебя закатились глаза, и ты затряслась.

– Я видела... видела совсем другое. – Признается она.

С ее лица отливает кровь, кожа белеет.

– Что конкретно?

Сара мотает головой.

– Да скажи уже! – Требую я. – Мне можно, я никому не расскажу!

Она делает глубокий вдох и медленно выдыхает.

– Я держала на руках ребенка.

– Ребенка?.. – Таращусь на нее я.

– Младенца. Совсем крошечного, он будто только родился. – Сара показывает руками, как делала это. – Он ворочался в одеяльце, и я хотела отогнуть уголок ткани, чтобы посмотреть на его личико, но видение исчезло. – Вдруг она уставляется на меня с ужасом. – Думаешь, мне поэтому стало плохо? Я беременна?!

– Я... я не...

– Мать убьет меня, если это так! – Взъерошивает волосы

Сара. – Интересно, на выпускном уже видно будет живот?

– Сара. – Я осторожно касаюсь ее плеча.

– Не говори ей! – Вспыхивает она. – Сначала сделаю тест. – Затем всхлипывает, закрывая ладонями лицо. – Не понимаю, как так вышло! Почему я?

– Ребенок это не плохо. – Подумав, говорю я. – Это даже хорошо, если он был зачат до того, как с Ульриком произошло несчастье. Разве, нет? Мы же не знаем, кем он стал, и как будет дальше...

– Все равно не говори маме. – Просит Сара, поднимая на меня взгляд. – Сначала я должна убедиться во всем сама и рассказать Улле.

– Конечно.

– Эй, дамочки, мы куда-то едем или так и будем стоять? –

Орет таксист, открыв окно.

– Тебе платят, так какая разница – ехать или стоять? –

Отвечает ему в той же манере Сара.

– Если вы беременны, вам не стоит дышать выхлопными газами у обочины! – Кричит он. – Садитесь, заедem в аптеку!

Сара обращает на меня возмущенный взгляд.

– Подслушивал и даже не стыдится этого.

– А я не специально! – Орет мужик.

– Ладно, поехали. – Соглашается она.

Я помогаю ей забраться обратно в салон, сажусь рядом, и машина трогается с места. Нам даже не приходится давать повод для сплетен этому маленькому городишке: остановив-

шись у ближайшей аптеки, таксист вместо нас отправляется туда и возвращается оттуда с двумя коробочками тестов.

– Взял два. – Объясняет он, с любопытством разглядывая Сару. – Моя жена тоже не поверила с первого раза, взбесилась, заставила ехать в аптеку повторно. Какая разница, если тест почти не дает осечек? – Мужчина опускает голову. – Видите? – Указывает на макушку. – Это моя лысина. С тех пор, как появились близнецы, она стала шире в два раза. Так что советую подумать.

– Да поняли-поняли мы. – Выхватывая из его рук тесты, бросает Сара. – Спасибо.

– И все же, дети это счастье. – Добавляет он, подмигивая.

– Уверена, так и есть. – Скорчив рожицу, она прячет коробки за пазуху.

Глава 8

– Ужинать будете? – Кричит Анна из кухни.

– Да, мам, только дай нам пять минут! – Проходит мимо прямиком к лестнице Сара.

– Десять! – Поправляю я.

– Как раз минут через десять доставят пиццу. – Слышится голос Анны.

И мы спешим вверх по ступеням, пока она не поинтересовалась, что за такое важное дело у нас наверху.

– Я подожду, – говорю, останавливаясь у дверей ванной комнаты.

– Хорошо. – Шепчет Сара и скрывается за дверь.

Проходит минута, затем вторая, третья. Я подхожу к окну в коридоре и отодвигаю занавеску. Тучи в темнеющем небе наливаются свинцом, хотя солнце еще не закатилось за горизонт.

Я смотрю на теплицу, в которой Ингрид посадила свои травы и растения. Наконец-то, я хоть в чем-то могу ее понять. Она хочет отомстить за смерть матери. Мне тоже теперь хочется мстить: за мать, за Бьорна, за своего отца. Она должна заплатить по счетам.

– Эй, Сара, – шепчу я, коротко постучав в дверь ванной. – Ты как?

Дверь распахивается, ударяя мне по плечу.

– Ай! – Приглушенно восклицаю я.

– Я читаю инструкцию. – С опаской оглядывая коридор, сообщает Сара. И буквально втаскивает меня внутрь. Закрывает дверь и сует мне длинную бумагу под нос. – Ничего не пойму, что тут написано. К чему столько слов?

Я сажусь на край ванны и замечаю на раковине два теста, уже извлеченных из упаковки.

– Ты уже сделала то, что необходимо?

– Да, я пописала на них – это пункт номер один. – Она нервно заламывает руки.

– Так. Хорошо. – Я принимаюсь за чтение. – Ага. Тут сказано, надо подождать пять минут.

– Прошла уже целая вечность! – Сара взмахивает тростью.

– Так-так. Ну, вот. – Я указываю на нужные строчки. – Все просто: две полоски – ты мать, нет – можно выдохнуть с облегчением.

– Правда? – Уставляется на меня подруга. – Если все так просто, почему они не пишут это большими буквами на коробке?

Я придвигаюсь ближе к раковине и заглядываю в «окошечки» тестов:

– Уже проявляются.

Сара буквально подпрыгивает ко мне.

– Ты видишь то же, что и я?

– Да. – Киваю я. – Ровно по одной полоске на каждом тесте.

– Это значит... – Она кладет ладонь на грудь и глубоко вдыхает.

– Значит, ты не беременна. – С улыбкой говорю я.

– Фух. – Произносит Сара без каких-либо эмоций.

– Ты разочарована?

– Может, следует подождать еще немного? – Она закусывает щеку. – Или сделать попозже еще тест?

– Сара. – Я встаю.

Подруга проводит ладонями по лицу.

– Не знаю, что я чувствую. – Говорит она потерянно. – Честно, не знаю. Я так боялась, что это будет правдой, а теперь...

Я заключаю ее в объятия.

– У оборотней вообще бывают дети? – Обреченно спрашивает Сара.

– Я не знаю. Разве что только от оборотня, ведь человек вряд ли сможет выносить магическое дитя. – Я отстраняюсь и смотрю ей в глаза. – Не знаю, Сара. Честно. Ульрику бы пережить для начала свой первый оборот, если тот случится. Проклятым с рождения в этом плане немного проще: их сущность уже слила в себе воедино человека и зверя, не отвергнув ни того, ни другого. А человеческое сознание может и не примириться с иной сутью.

– Думаешь, Улле может умереть во время превращения?

У меня перехватывает дух.

– Надеюсь, что он справится...

– Зачем мне тогда привиделся младенец? – Растерянно вытягивает перед собой руки Сара. Она смотрит так, будто действительно держала в них ребенка совсем недавно.

– Может, это означает, что надежда еще есть?

– В любом случае, это важно. Ничего не значащих видений не бывает.

– Кажется, в дверь звонят. – Прерываю ее я.

Мы прислушиваемся.

– Пиццу привезли. – Уверенно говорит Сара.

– Прячем улики, – кивая на тесты и раскиданные по ванной комнате инструкции и коробочки, командую я, – и пошли вниз.

Мы быстро собираем все, что может нас скомпрометировать, и спускаемся к ужину.

– С грибами, фетой и ветчиной. – Вместо приглашения за стол анонсирует Анна. Мы застаем ее сидящей за столом, поедающей пиццу и по-хозяйски сложившей ноги на подоконник. – Запить можно газировкой. – Облизывая пальцы, говорит она.

– Мама, где твои манеры? – Стонет Сара. – Могла, хотя бы, сделать вид, что мы – приличные люди.

– Всегда мечтала ужинать пиццей с газировкой, – радостно восклицаю я, отправляясь мыть руки.

Через минуту мы уже все трое уплетаем наш ужин за столом.

– Нея, может, ты хотела прочесть молитву перед едой? –

Интересуется Анна, скатывая пищу в трубочку перед тем, как откусить.

– Молитву? – Прерываюсь я.

– Почтить их память. Я слышала, так принято у некоторых нормальных людей.

Я выпрямляю спину.

– А разве мертвым не все равно? – Усмехается Сара.

– Лучше поминать их как можно реже, чтобы не беспокоить. – Объясняет Анна. Затем бросает на меня многозначительный взгляд из-под бровей. – Просто я уважаю чужие традиции, и мне не хочется, чтобы Нея лишалась чего-то важного из-за нашего присутствия здесь. Мы ж не варвары какие-нибудь.

– Мы с тетей не придерживались каких-либо традиций. – Выпаливаю я.

И только в этот момент понимаю, что говорю об Ингрид. Никакая она мне не тетя. И вся прошлая жизнь кажется сплошным обманом.

– Кстати, о ней. – Анна отодвигает от себя коробку с пиццей и ставит локти на стол. – Вполне возможно, что целью нападения на Катарину было заполучить ее кровь, чтобы с помощью нее отыскать место захоронения ламии. Дедуля Хельвин сорвал планы Ингрид, и ей пришлось довольствоваться прядью волос с головы девушки. По ним она могла узнать место нахождения реликвии: это грязный черный ритуал – сродни наведению порчи, когда организм человека

вдруг начинает убивать сам себя. Если Кайя бывала в жилище Асмунда и видела книгу, Ингрид могла покопаться в ее сознании и вытащить оттуда эти зрительные образы. По этой же причине девчушка была долгое время заперта в своем подсознании без возможности выбраться, а вампирский яд блокировал любые попытки к исцелению.

– И почему этим ведьмам не живется спокойно? – После недолгой паузы задается вопросом Сара. – Почему нужно вечно кого-то травить, убивать, околдовывать? А это бесстыдница еще и зомбаков оживляет!

– Черная магия направлена на разрушение, потому и сильна. Такая магия использует темные силы для работы с потусторонними энергиями. Тот, кто выбирает этот путь, как правило, эгоистичен, жаден и жаждет власти. Ингрид получила от матери силы зверя и древние знания, которые вряд ли применишь во благо, так что она будет искать возможности преумножить их.

– Интересно, она могла бы выносить ребенка Асмунда, если бы тот в свое время не предпочел ей Карин? – Вдруг задумываюсь я.

Анна замолкает, уставляется в потолок.

– Иногда в мире происходят совершенно удивительные вещи. – Спустя мгновение, произносит она. – Если у природы не остается выходов, она создает еще один. Библия, наука, законы любой из стран – это всего лишь законы человека, у мироздания – свои заветы и правила, и не обо всех из них

мы осведомлены в полной мере.

– Ингрид бы выкрутилась. – Подытоживает Сара, уминая пиццу за обе щеки. – Почему-то я уверена в этом.

Глава 9

Перед сном мы немного болтаем с Бьорном по телефону, обмениваемся впечатлениями и новостями дня. Он напоминает о необходимости принять кровь перед сном. Я признаюсь, что испытываю волнение, представляя, что однажды придется вернуться в Хемлиг, а Бьорн утешает меня, призывая ничего не бояться, пока он рядом со мной.

«Пока Ингрид жива, ничего не будет обычным и прежним», – крутится у меня в мыслях, когда мы прощаемся, и я убираю телефон на столик. Учеба в гимназии, повседневная жизнь, учебные будни и все, что последует далее – все это подчинено лишь одному – чувству страха перед тем, что чудовище явится по наши души в самый неожиданный момент.

«Я должна положить этому конец».

Нужно убить ее, пока она слаба.

Эта мысль осеняет меня, принося облегчение. Вот оно – то, что я должна сделать. Я отправлюсь туда и убью ее! Ради Бьорна, ради всех, кого люблю. Прямо сейчас!

И плевать, что после этого моя тяга к убийствам возрастет в сотни раз, зато я избавлю всех остальных от необходимости прятаться и ждать, затаив дыхание, что однажды хульдра явится сюда со своей армией.

Я сделаю это!

И даже если после этого Асвальд вынужден будет меня

убить, моя жертва не будет напрасной. Я убью Ингрид тем же оружием, которое она создала. Убью ее своими руками.

Сейчас.

Повертев в руках пробирку, оставляю ее нетронутой. Ложусь в постель, закрываю глаза и еще раз прокручиваю в сознании картинки, которые заставляют меня истекать кровью от боли.

Мертвый Асмунд. Безжизненное тело, голова в луже крови. Стекланные глаза, увидевшие смерть перед тем, как погаснуть. Крики, стоны, кровь – много крови.

Микке, пытающийся крушить короб, в котором лежит книга. Земля. Руки, ноги, голова Асмунда отдельно. Ножницы на его груди – как символ распятия. Ночь, растущая луна, туман, дождь. Много земли, в которой вязнут ноги. Кол в могилу. Слезы, слезы...

Я иду по лесу.

Обнаружив это, оглядываюсь. Пытаюсь понять, в какую сторону двигаться. Взгляд упирается в склон Черной горы. Вернее, я уверена, что это она, но выглядит как-то по-другому – словно я с другой от нее стороны.

Делаю шаг, и земля под моими ногами начинает дрожать. Секунда, и ее поверхность расходится трещинами. Я падаю на колени, пытаюсь удержаться на одной из земляных глыб, но соскальзываю и падаю в пропасть. Одежда шелестит, мои волосы летят по ветру, кожу на лице обжигает ветром, а крик гаснет где-то глубоко в горле.

Я падаю на что-то очень твердое – бах!

Некоторое время у меня уходит на то, чтобы прийти в себя. Трясу головой, пытаюсь осмотреть себя в полутьме, и от увиденного меня сковывает леденящий ужас. Мои руки – больше не мои руки: они черны, будто покрыты гнилью, а на пальцах темнеют вытянутые искривленные ногти. Я пытаюсь пошевелить пальцами, и они подчиняются.

Это я.

Но я впервые вижу себя *такой*.

– Боже... – Выдыхаю, продолжая разглядывать собственные руки. – Что за...

Но вместо слов раздается противный стрекот – словно от полчищ насекомых.

Я поднимаюсь черным туманом над землей, и мои одежды стелятся невесомым облаком над моим страшным телом. Шаг, и ощущаю, как что-то просыпается внутри и растет. Это жуткий, нестерпимый голод.

Я делаю еще шаг и ощущаю себя уже увереннее. Остается найти Ингрид: если я думала о ней, засыпая, значит, она где-то поблизости. Но вокруг крошечная тьма. И только искры костра вдалеке дают свет.

Я плыву на него, бесшумно и не касаясь земли. Огонь горит возле входа в пещеру. Приблизившись, вижу двоих: пожилого мужчину, лежащего на земле, и склонившегося над ним парня. Мужчина шепчет что-то и вдруг... замирает без движения, будто его покинула жизнь, а второй снима-

ет с его шеи какой-то амулет, надевает себе на шею, начинает раскачиваться и петь – сначала тихо, затем все громче и громче.

Его песня жалобная, отчаянная, в ней ощущается боль потери, и она будто сковывает меня по рукам и ногам, мешая двигаться дальше.

Это йойк.

Я вынуждена стоять и смотреть, как парень отпускает руку пожилого мужчины, берет бубен, обтянутый кожей, и начинает в него бить. Его песня становится активнее и ритмичнее, и ко мне словно возвращается мое сознание.

– Микаэль... – Срывается с моих губ.

И я с удивлением узнаю свой голос.

Но парень не слышит: он продолжает ударять ладонью в бубен и петь. И слова его песни разносит по горам ветер.

– Нея. – Я вдруг вижу его прямо перед собой.

Он смотрит на меня и молчит. А песня продолжается литься в ночи.

– Микке... – Шепчу я, ошеломленно разглядывая в бликах костра его лицо, украшенное странными узорами.

Микаэль стоит передо мной, а *тот парень продолжает ударять в бубен и петь у костра*. На этом из одежды лишь брюки, а тот, который поет, полностью одет. Как так может быть, что их вдруг стало двое?

– Нея. – Улыбается Микке и берет меня за руки.

Я опускаю взгляд и вижу, как мои руки снова становятся

человеческими. От его прикосновения тьма отступает, прячется под кожу. А от звуков йойка у меня кружится голова.

– Это ты. – Он наклоняется, оказываясь слишком близко ко мне.

Но я не могу сдвинуть голову ни на миллиметр, чтобы отвернуться.

– Почему я здесь? – Спрашиваю, ощущая невероятное тепло, идущее от его рук, взбирающееся вверх по моей коже и согревающее все мое тело.

Уголки его губ снова трогает понимающая улыбка.

– Потому, что думала обо мне. – Отвечает Микке. И я чувствую его дыхание на своих губах. Пальцы парня продвигаются выше по моей коже, и он крепко обхватывает меня за локти. Рывком прижимает меня к своей груди. – Или потому, что *я так захотел*.

Мне трудно смотреть ему в глаза, поэтому я опускаю взгляд ниже – туда, где его горячая грудь прижата к моей груди. И вижу амулет, висящий на его шее: это простая веревка, на конце которой закреплен длинный медвежий коготь. По моей спине разбегаются мурашки, но тут же их затапливает волной жара, которым мое тело напитывается от тела Микаэля.

Я бросаю взгляд в сторону и испуганно вздрагиваю, заметив, что мы оторвались от земли. Внизу остается пещера с телом пожилого человека, возле которого поет тот, другой Микке, остаются кустарники и деревья, оранжевые язы-

ки пламени. И вот мы уже поднимаемся над вершинами сосен вслед за дымом от костра.

– Не бойся, я тебя держу. – Прямо мне в губы шепчет Микаэль.

Но мои мышцы одеревенели, они скованы ужасом. Я инстинктивно впиваюсь пальцами в плечи парня и боюсь даже сделать вдох. Потому, что земля остается внизу, а мы поднимаемся все выше и выше в темно-серое небо.

– Смотри на меня. – Просит Микке. Его голос успокаивает. – Не смотри туда.

Я с трудом заставляю себя поднять взгляд и посмотреть в его черные, как ночь, глаза. Все вокруг такое реальное, что даже ощущается холод – чем дальше остаются деревья и горы, тем сильнее ледяной воздух обжигает мое лицо и тело. И только по рукам и груди, где Микке касается меня, расходится мягкое, согревающее тепло.

– Дыши. – Произносит он. – Все хорошо, Нея. Просто дыши.

Я делаю лихорадочный вдох, и мое горло обжигает холодом.

– Это твой сон? – Спрашиваю я, чувствуя, как немеют от холода губы. – Или мой?

– Я не сплю. – Микке изгибает бровь. Его руки перемещаются на мою талию, он подтягивает меня еще ближе к себе, если это вообще возможно. – Это транс.

Мне страшно, но не хватает смелости пошевелиться. Моя

жизнь сейчас в его руках. Не хочется даже думать, что будет, если Микке отпустит меня.

– Я пришла убить Ингрид. – Признаюсь я, дрожа. Моя дрожь вибрациями передается ему. – И то же самое я обязана сделать с твоим отцом. И... с тобой.

Не успеваю я договорить, как что-то резко меняется в его взгляде, и мы начинаем падать вниз. Несемся со скоростью пули, взрезая воздух. Моя одежда и волосы по инерции летят вверх, а мы с Микке, обхватив друг друга еще сильнее, камнем летим вниз.

Я вынуждена цепляться за него всем телом. Смотреть ему в глаза, ловить каждое изменение в его взгляде и надеяться, что он не позволит нам разбиться о землю. Но чем ближе к поверхности земли, тем сил у меня все меньше. Я обхватываю его за талию, прижимаюсь к груди, утыкаюсь лицом ему в шею.

– Микке! – Кричу изо всех сил.

Он убьет нас обоих!

Единственное, что я успеваю заметить перед тем, как мы достигаем земли, это лес, огромные каменные валуны и горная река – то самое место, где Микке впервые исполнил для меня саамские песнопения. А затем мы резко уходим под воду – удар! И ледяная гладь воды проглатывает нас с головами.

Треск от погружения в водную толщу сменяется низким шумом – река забирает все остальные звуки.

Я даже не успела набрать в легкие воздуха: задерживаю дыхание, как есть, чтобы в нос и рот не попала вода. И скво-ванная по рукам и ногам железной хваткой Микаэля иду вместе с ним ко дну.

– Микке! – Пытаюсь сказать ему одним взглядом.

Молю отпустить.

Но он держит крепко. И молчит. Смотрит мне прямо в глаза, и я вижу досаду и боль в его взгляде. А еще злость. Он ненавидит меня.

– Микке! – Кричу я, впуская в дыхательные пути воду.

Пузырьки рассеиваются, и сквозь мутную толщу воды опять видно его бесстрастное лицо. Микаэль не отпустит. Я у него в ловушке. Он собирается меня убить.

Я пытаюсь колотить его кулаками по плечам, но движения на глубине теряют силу, становятся плавными, вялыми. Они могут разве что позабавить его. Пока я извиваюсь, пытаюсь вырваться, Микке сверлит меня своим упрямым, испытующим взглядом. И не делает ничего, чтобы мы перестали опускаться на глубину.

Или мы уже там?

Я чувствую, как теряю силы. Сознание меркнет. Я обмякаю в его руках, позволяя воде забрать меня навсегда. И последнее, что слышу, это голос Микке где-то очень далеко, за границами мира снов – он продолжает петь йойк. Последнее, что вижу – это Микке передо мной: он не дает мой голове упасть, обхватывает мое лицо ладонями, приникает к мо-

им губам своими и вдыхает воздух в мой рот.

– Аа-акх! – Я вскакиваю на постели.

И сгибаюсь пополам в попытке выкашлять воду, которая толчками вырывается из моего носа и изо рта. На одеяле расплываются влажные пятна. Я кашляю долго, судорожно тяну воздух, выдыхаю и глубоко вдыхаю снова, боясь, что задохнусь, и до конца не веря, что все-таки выбралась живой.

А когда дыхание, наконец, приходит в норму, касаюсь пальцами своих губ. Они горячие. И по всему телу, там, где меня касался Микке, я по-прежнему ощущаю его тепло.

Глава 10

– Нея, ты куда? – Окликает меня Анна.

– Пришла пора возобновить утренние пробежки! – Отзываюсь я.

Торопливо натягиваю на ноги кроссовки и застегиваю замок на спортивной кофте до самого горла.

– Все нормально? – Цыганка выходит в коридор, чтобы взглянуть на меня.

– Абсолютно! – Бросаю я с улыбкой, открываю замок, толкаю дверь плечом и выбираюсь наружу.

Анну не обманешь, она определенно заметила, что со мной что-то не так, но у меня нет выбора. Я не могу рассказать им о том, что отправилась в мир снов без сдерживающей моего демона дозы крови и встретила там Микке.

О том, что не смогла убить его. Или не захотела. Или... Я, черт подери, вообще не поняла, что там происходило! И как он оказался у меня во сне, если сам не спал!

И почему я пришла к нему, а не к Ингрид...

Это все так странно.

– К завтраку прибежишь? – Доносится в спину голос Анны.

– Конечно! – Бросаю я через плечо.

И возвращаюсь к тревожащим меня мыслям. Микаэль определенно обрел какие-то силы. Прежде он не мог сопро-

тивляться мне во сне: там, в гамаке, я едва не придушила его, едва не высосала все силы из его тела, а этой ночью он словно владел ситуацией. Понимал все, что со мной происходит. Полностью руководил моим сном.

Рассказать об этом Бьорну – значит, признаться, что я думала о Микке и пришла к нему добровольно. И пусть у меня есть оправдание: после нападения на Улле я не могла не думать об этом парне, я, все же, вряд ли смогу в точности описать то, что происходило этой ночью, без того, чтобы ситуация не выглядела двусмысленно.

Он обнимал меня, а я не могла сопротивляться. Он делился со мной воздухом под водой, и это было также интимно и экстремально как поцелуй.

Как вообще рассказывать о таком?!

Я натягиваю на голову капюшон и ускоряюсь. Отдаю бегу все последние силы. В сумрачном небе Реннвинда уже обозначилось солнце, но серая паутина туч не дает ему поделиться с землей своим светом. Улицы пахнут пылью и росой. Птицы притихли, возятся в траве, клюют какие-то ягоды. Город будто и не торопится просыпаться: притаился и вслушивается в звуки моих шагов.

«Это твой сон? Или мой? – эхом раздается у меня в голове. – Я не сплю».

У меня лед расходится по коже от воспоминаний об этом моменте. Микаэль жаждет могущества, как и Ингрид, и он определенно стал опаснее и сильнее. Остальные должны

знать об этом. Но как я им скажу? И почему где-то глубоко внутри у меня растет желание его защитить?

Я останавливаюсь у церковной ограды и сбрасываю капюшон. Сколько всего произошло здесь, а ноги упрямо приводят меня сюда снова и снова. Один из воронов, сидящих на высоком дубе, склоняет голову и издает сухой и резкий крик – то ли приветствуя меня, то ли предупреждая остальных птиц об опасности.

На миг мне кажется, что мы ловим взгляды друг друга, и ворон срывается с ветки, взмахнув мощными черными крыльями. Я открываю кованую калитку и вхожу на территорию церкви и примыкающего к ней кладбища. Потемневшие от времени скамейки и узкие тропинки по мере моего движения сменяются на стройные ряды могил.

Я скольжу глазами по плитам, читаю имена и представляю людей, которые могли их носить. Удивляюсь тому, что некоторые погибали целыми семьями – если судить по датам. И обращаю внимание на годы жизни: кто-то ушел из жизни в преклонном возрасте, а кто-то совсем молодым, даже юным. Это ужасно несправедливо.

Так и не дойдя до могилы Вильмы, останавливаюсь у фальшивой могилы Асмунда: цветы еще не успели завянуть, но к старым добавилось еще несколько свежих букетов. Хорошо, что мы решили сделать фальшивое захоронение подальше от отдельного участка, где покоятся дхампирри и их супруги – прихожане, искренне любившие Асмун-

да, устроили бы настоящее паломничество в ту часть кладбища, чтобы почтить его память, а так мы избежали ненужного внимания от посторонних.

Я сворачиваю налево и двигаюсь к заднему двору церкви.

– Мне бы сейчас пригодился твой совет, – шепчу я, наклоняясь к земле и стряхивая пылинки с деревянного креста, на котором пока даже имени нет.

И оглядываюсь по сторонам: вдруг кто-то слышал меня. Но вокруг ни души. Асмунда тут никто не побеспокоит.

Медленно бреду среди могил родственников Бьорна. Нахожу свою бабушку по отцовской линии, затем его. Долго рассматриваю могилы деда и прадеда Бьорна, а также всех остальных Хельвинов, кто охранял эти земли в прошлом столетии. Затем перемещаюсь дальше и изучаю более старые захоронения, имена на которых успели порастить мхом и потемнеть.

У самой последней могилы, расположенной ближе всего к церкви, я задерживаюсь дольше всего. Счищаю пальцами плесень и грязь, чтобы прочесть: Абрахам Хельвин. Для того, чтобы узнать годы его жизни, мне пришлось бы стереть пальцы в кровь или воспользоваться специальным инструментом. Но плита и так начала разрушаться, и поверхность крошится, поэтому я усмиряю свое любопытство и отхожу.

Если это он был рожден от союза вампира и женщины, то ему пришлось не сладко. Растить без матери, первым почувствовать на себе влияние вампирской крови, стать изго-

ем в мире людей, потерять жену в родах и остаться с первенцем на руках... Даже не представляю, что пришлось пережить этому дхампири.

– Наверное, ты был чертовски сильным во всех смыслах. –
Говорю я с почтением.

И был бы рад узнать, что его дело живо.

Отряхнув ладони, я поднимаюсь. Нахожу возле церкви небольшой чан со скопившейся в нем дождевой водой и опускаю в него руки. Еще не зажившую рану на ладони неприятно щиплет, но я уже не обращаю внимания на подобные мелочи. Мне нужно стать сильнее, чтобы дать бой тому злу, которое собирается прийти на эти земли.

Вымыв руки, я нахожу в себе силы, чтобы подняться по ступеням в жилище Асмунда. На удивление, дверь легко поддается, и я оказываюсь в том самом помещении, где все произошло. В воздухе уже не пахнет медью, подошвы не прилипают к полу, и ничего, казалось бы, не напоминает здесь о смерти, но я чувствую ее ледяное дыхание каждой клеточкой своего тела.

Делаю несколько шагов и замираю посередине гостиной. Все выглядит таким же, каким было при Асмунде. Минимум деталей, строгая, но уютная обстановка, много света, и еще очень чисто – словно пастор приходил сюда лишь поспать. И только библия на столике выделяется: крошечные бурые пятнышки на срезе хранят тайну гибели хозяина жилища.

Скорее всего, у Асвальда не поднялась рука выбросить

библию брата. Оставил как напоминание о нем. Но ведь церковь долго не останется без настоятеля? Приедет кто-то, кто сменит Асмунда на его посту. Допустит ли Хельвин старший сюда посторонних?

Я бросаюсь к кухонной зоне, чтобы найти рычаг, открывающий тайную комнату. Исследую гарнитуру, но не нахожу никаких кнопок. И тут вспоминаю, как пастор легким движением руки по внутренней поверхности столешницы приводил в движение потайной механизм. Подхожу к столу и повторяю по памяти: провожу ладонью под столешницей и задерживаю дыхание, ожидая реакции. Но ничего не происходит.

Провожу снова, уже медленнее, и – о, чудо! Дверь в потайную комнату отъезжает в сторону, и в оружейной комнате загорается свет.

Я вхожу туда несмело. Чувствую, как трясутся поджилки. И как будто даже слышу голос Микке, который орудует молотом, пытаясь разбить короб: «Она сделает нас бессмертными, она даст нам силу!» Трясу головой, отгоняя от себя воспоминания, словно наваждение.

Но Микке не унимается:

– Ты – моя, слышишь? – Звенит его голос.

Я зажмуриваюсь и давлю пальцами на виски.

– Моя... – отдается эхом.

– Хватит. – Говорю я, открывая глаза.

И видение отступает.

В полной тишине я разглядываю древние орудия, которые Бьорн с отцом вернули на витрину в нише. Тут и мечи, и копья, и булава, и топор, и лук со стрелами, и устройство, очень похожее на современный арбалет, и секира, и еще какие-то штуки, названия которых я даже не знаю.

Взгляд цепляется за молот, который тоже вернулся на свое место, и мое сердце пускается вскачь. А ниже лежат различные кортики, шпаги, пики и кинжалы – один из них может быть тем самым оружием, которым смертельно ранили Ульрика. В горле от этой мысли моментально пересыхает.

Я спешу перевести взгляд на пистолеты и ружья, лежащие в соседней нише: от старых потертых мушкетов и обрезов до современных, блестящих и новых пистолетов-пулеметов и автоматов. Эта секция – единственная, сохранившая за собой из стекла. Все потому, что Ингрид и ее спутников мало волновало огнестрельное оружие, им нужна была книга.

Кстати, о ней.

Я возвращаюсь к стеклянному коробу, покрытому трещинами, и осторожно поднимаю руку. У меня не хватает духа, чтобы коснуться его. Еще живы воспоминания о том, как Микаэль обжегся, затронув часть корпуса, и мне страшно, вдруг то же произойдет и со мной? Я опускаю руку и снова поднимаю ее, мешкая и сомневаясь. А потом разом, отбросив страхи, кладу на него ладонь.

Стискиваю челюсти, ожидая боли, но ничего не происходит. Вместо этого слышится глухой щелчок, и крышка ко-

робки медленно открывается. Я, как замороженная, гипнотизирую взглядом большую старинную книгу, не решаясь взять ее, и проходит, наверное, не меньше минуты, как я собираюсь с духом, чтобы сделать это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.